

DOI: [10.14515/monitoring.2021.5.2032](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2032)

А. С. Архипова, А. В. Захаров, И. В. Козлова

ЭТНОГРАФИЯ ПРОТЕСТА: КТО И ПОЧЕМУ ВЫШЕЛ НА УЛИЦЫ В ЯНВАРЕ—АПРЕЛЕ 2021?

Правильная ссылка на статью:

Архипова А. С., Захаров А. В., Козлова И. В. Этнография протеста: кто и почему вышел на улицы в январе—апреле 2021? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 289—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2032>.

For citation:

Arkhipova A. S., Zakharov A. V., Kozlova I. V. (2021) The Ethnography of Protest: Who Participated — and Why — in the Rallies of 2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 289–323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2032>. (In Russ.)

ЭТНОГРАФИЯ ПРОТЕСТА: КТО И ПОЧЕМУ ВЫШЕЛ НА УЛИЦЫ В ЯНВАРЕ—АПРЕЛЕ 2021?

АРХИПОВА Александра Сергеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, МЦМУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Центр Вудро Вильсона, Вашингтон, США
E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

ЗАХАРОВ Алексей Владимирович — кандидат экономических наук, Москва, Россия
E-MAIL: al.v.zakharov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4192-3173>

КОЗЛОВА Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; приглашенный исследователь, Университет Николая Коперника, Торунь, Польша
E-MAIL: matira@dobre.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

Аннотация. Статья посвящена уличным политическим протестам 2021 г. в России. Материалом послужили результаты опросов и интервью с их участниками, а также данные включенного наблюдения на митингах в январе, феврале и апреле 2021 г. в Москве, Санкт-Петербурге и Казани. Сочетание социологических и антропологических методов позволило нам понять, кто участвовал в протестных акциях зимой и весной 2021 г. и почему они это делали. Большая часть и новых,

THE ETHNOGRAPHY OF PROTEST: WHO PARTICIPATED — AND WHY — IN THE RALLIES OF 2021

Alexandra S. ARKHIPOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School for Advanced Studies in Humanities, The Human Capital Multidisciplinary Research Center; Visiting Researcher
E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

Alexei V. ZAKHAROV — Cand. Sci. (Econ.), Moscow, Russia
E-MAIL: al.v.zakharov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4192-3173>

Irina V. KOZLOVA^{1,3} — Cand. Sci. (Philology), Researcher at the Laboratory for Theoretical Folklore Studies;
E-MAIL: matira@dobre.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

² Woodrow Wilson Center, Washington, USA

³ Nicolaus Copernicus University in Toruń, Toruń, Poland

Abstract. The article focuses on political street protests of 2021 in Russia. Our research is based on results of sociological surveys of the rallies' participants, interviews, and ethnographic observations at rallies in January and April 2021 in Moscow, St. Petersburg, and Kazan. The combination of sociological and anthropological methods allows us to understand who these participants are and why they take part in street rallies. It turned out that the ideas of the protests of 2021 as

и старых участников митингов — люди в возрасте от 18 до 39 лет, получившие или получающие высшее образование, поэтому представления о протестах как о «революции детей» или «протесте бомжей» одинаково неверны. Протест обновился по своему составу: для значительной доли митингующих (более 42%) это был первый опыт участия в публичных акциях, причем основная часть «новичков» — молодые люди в возрасте до 25 лет. Некоторые из протестующих воспринимают свое участие в митингах как политическую инициацию, однако не все они сторонники Алексея Навального: его поддержка оказалась лишь одной из многих мотивировок. На основе результатов анализа текстов плакатов и интервью мы сделали вывод, что основными мотивами участия в митингах протеста выступают недовольство политической ситуацией в целом, требования соблюдения законов, поддержка всех политзаключенных, социальное и экономическое расслоение общества. Неприятие политического насилия и социальное расслоение стали основными триггерами выхода протестующих на улицу — в первую очередь для тех самых 42% «новичков».

Ключевые слова: уличный протест 2021, Алексей Навальный, митинг, язык плаката, социология митинга

Благодарность. Исследование проведено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

Авторы статьи выражают благодарность Кириллу Рогову, движению «Белый счетчик», Борису Овчинникову за

a “revolution of children” or a “protest of the lower classes” are equally wrong. Most participants of the rallies, both new and old, are between the ages of 18 and 39, they have already received or are receiving higher education. For 42% of the participants of the first rally on 23 January, this is the first experience of such kind. The majority of the “newcomers” are young people under the age of 25. Some of the young people perceive their participation in the rally as a political initiation. Not all protesters are supporters of Alexei Navalny: his support is only one of the motives for participating in the rallies. The main motivations are dissatisfaction with the political situation in general, requirements for compliance with the laws, support for all political prisoners, as well as social and economic stratification of the society. Rejection of political violence and social stratification became the main triggers to go out for a protest — primarily for those 42% of “newcomers”.

Keywords: street protest 2021, rally, the language of rally, sociology of rally, Alexey Navalny

Acknowledgments. The article was prepared within a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-908).

We are grateful to Kirill Rogov, the “White Counter” movement, Boris Ovchinnikov for organizing the survey on Facebook, our colleagues in the MAF group and

организацию опроса в Facebook, нашим коллегам по группе МАФ и волонтерам, которые проводили опросы и наблюдения: Сергею Белянину, Борису Пейгину, Анне Курочкиной, Марии Гавриловой, Анастасии Карасевой, Артему Серебрякову, Анне Чернобыльской, Елене Федоровне Югай, Елене Алексеевне Югай, Нине Александровой, Анне Орловой, Асмик Новиковой, Ивану Сорочану, Гузелии Гиматдиновой, Ольге Карташевой, Елизавете Семирхановой, Марии Сухановой, Елене Габер, Дмитрию Нестерову, Сергею Ниненко, а также группе PS-Lab и волонтерам, вместе с которыми мы собирали интервью 21 апреля.

volunteers who conducted surveys and observations: Sergey Belyanin, Boris Peigin, Anna Kurochkina, Maria Gavrilova, Anastasia Karaseva, Artem Serebryakov, Anna Chernobylskaya, Elena Fedorovna Yugai, Elena Alekseevna Yugay, Nina Alexandrova, Anna Orlova, Asmik Novikova, Ivan Sorochan, Guzelia Gimatdinova, Olga Kartasheva, Elizaveta Semirkhanova, Dmitry Nesterov, Elena Gaber, Sergei Ninenko, and the group PS-Lab and the volunteers with whom we collected interviews on April 21.

Январь 2021 г. стал временем выхода из «политической комы», как называли прошедший карантинный год в соцсетях: с 23 января по 21 апреля в десятках российских городов прошли массовые политические акции в поддержку Алексея Навального.

Как правило, считается, что в такое политическое противостояние втянуто два актора — власти, чиновники, полиция, с одной стороны, и, собственно, протестующие — с другой. Но это сильно упрощенная и в целом неверная картина. На самом деле акторов по крайней мере три: это *властные структуры, протестующие и публика*. Именно от публики — тех, кто лайкает (или нет) фотографии с митингов в Facebook, обсуждает во «ВКонтакте», почему не надо идти на пикеты, или слушает истории о задержаниях от соседей, — зависит, согласно «теории порогов» Марка Грановеттера [Granovetter, 1978], решение потенциальных протестующих о выходе на уличные протесты (чем больше людей из «публики своих» вокруг каждого конкретного гражданина будет поддерживать идею протестовать, тем больше у него будет вероятность «выхода на улицу»). Недаром стратегия российских властей направлена скорее на демобилизацию и поддержание аполитичности публики, нежели на создание встречного протеста [Ostbo, 2017]¹.

Слабая протестная мобилизация в России во многом связана как раз с тем, что каждый уличный протест становится предметом политических полемик, оперирующих различного рода мифами и стереотипами: высказывания, что на митинги ходят одна школоты, бомжи или приезжие, встречаются везде, и этому способствует почти полное отсутствие у публики конкретных знаний о том, каковы социально-

¹ Реакция российских властей на протесты подробно рассмотрена в статье [Rosenberg, 2017]. С выводами статьи [Ostbo, 2017] частично согласны исследователи из «Лаборатории публичной социологии» (PS Lab) И. Матвеев и О. Журавлев. По их мнению, после присоединения Крыма российские власти были близки к созданию провластного уличного движения, но не сделали это, потому что побоялись, что участники этого движения при недовольстве какими-то новыми шагами правительства могут стать новой организованной оппозицией [Matveev, Zhuravlev, 2021].

демографические характеристики протестных акций. Мы хотим восполнить этот пробел и представить читателю этнографию протеста. Статья разделена на две части: в первой мы обсудим, как и для чего люди принимают участие в митингах (и это не такой банальный вопрос, как кажется), как они создают «язык» протеста, призванный объединить их, а потом, во второй части — перейдем к обсуждению социальной и возрастной структуры протестующих (и оценке протестующих публикой).

Исследование российского протеста в работах политологов, социологов и антропологов

Протестные акции привлекали и продолжают привлекать внимание в основном политологов и социологов: исследователи обращают внимание на такие аспекты протестов, как их влияние на государственную политику [Wouters, Walgrave, 2017; Dahlum, Knutsen, Wig, 2019], политические предпочтения [Branton et al., 2015; Mazumder, 2018] и мотивация [Rosenfeld, 2017] их участников, а также роль социальных медиа в организации протестов [Enikolopov, Makarin, Petrova, 2020].

Российским протестам посвящено две монографии — политолога Реджины Смит и социолога и историка Михаила Габовича [Gabowitsch, 2017; Smyth, 2021]. Ряд исследователей изучали факторы, определяющие протестную мобилизацию российских граждан, однако их работы выполнены на материале прошлых протестов. Например, в коллективной монографии «Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011—2013 годов» [Политика аполитичных..., 2014] рассматривались причины и истоки мобилизации митингующих во время уличных протестов «за честные выборы» 2011—2012 гг. Екатерина Тертычная и Томила Ланкина обращают внимание на то, в каких случаях протесты находят поддержку у населения — здесь играет важную роль региональный уровень свободы СМИ [Tertychnaya, Lankina, 2020]. Карин Клеман и коллеги изучили, как обыватель становится активистом [Клеман, Мирясова, Демидов, 2010; Городские движения..., 2013]. Розенфельд [Rosenfeld, 2017] отмечает занятость в государственном либо в негосударственном секторе как фактор, влияющий на участие в протестах. Екатерина Тертычная [Tertychnaya, 2019] задается вопросом, могут ли протесты изменить выбор провластно настроенных российских избирателей. Часто важным фактором, провоцирующим протесты, оказываются фальсификации на выборах [Lankina, Skovoroda, 2017]. Другие авторы [Dollbaum, 2017; Armstrong, Reuter, Robertson, 2020; Semenov, Lobanova, Zavadskaya, 2016] обращают внимание на причины участия (или неучастия) «системных» российских политических партий в протестах. В работах отмечается важность как кооптации партийных и региональных элит, так и близости протестной повестки к базовому электорату этих партий, вынужденных выбирать между лояльностью режиму и расширением базы сторонников.

Несмотря на несомненную полезность этих работ, во многих случаях они выполнены на основе вторичных материалов о митингах: сообщениях СМИ, выступлениях партийных лидеров или отчетах полиции. Исключение составляют книги «Политика аполитичных...» [Политика аполитичных..., 2014] и «Протест в путин-

ской России» [Gabowitsch, 2017] — их авторы проводили большую полевую работу. Собственно этой же задаче посвятили себя и те немногие российские антропологи, которые занимаются полевой работой на уличных акциях протеста.

Казалось бы, интересы полевых антропологов и политологов в исследовании протестов близки, но все же они не совпадают. Политологам и частично социологам важно выделить тренды, свидетельствующие о политических изменениях в стране. Нам же интересно другое. Мы рассматриваем людей, которые вышли протестовать на улицы, как некоторое «сообщество идеи», чтобы понять, из кого оно состоит и как его воспринимает публика.

Полевые антропологические исследования российского протеста в России начались в 2011 г., когда группа антропологов, фольклористов, социологов и лингвистов вышла изучать уличные митинги против фальсификаций на выборах в Госдуму². Именно тогда были проведены первые опросы участников [Соколова, Головина, Семирханова, 2012], а также исследования творческой составляющей протеста [Алексеевский, 2012; Ахметова, 2012], в том числе и языка плакатов [Архипова, Сомин, Шевелева, 2014].

Часть исследователей, обратившихся к исследованию уличной активности в России в 2011—2012 гг., продолжили ее систематическое изучение в последующие годы. Так сложились две группы, и на данный момент полевыми исследованиями протестов занимаются, насколько мы знаем, только «Лаборатория публичной социологии» (PS Lab)³ и мы — независимое межинституциональное объединение экономистов, социальных антропологов и фольклористов из группы «Мониторинг актуального фольклора»⁴.

Дизайн и материалы исследования

Для антропологического анализа протеста мы используем одновременно три разных метода: наблюдение (в том числе включенное), опрос и корпусный анализ языка протеста по базе данных. Применение этих методов не ново⁵, однако практически никогда они не применяются все одновременно. А это очень важно.

С одной стороны, опора только на результат опросов часто дает однобокую картину митинга [Gabowitsch, 2017: 204—205] и приводит к искажению: профессиональные социологи и любители проводят опросы, чтобы выяснить настроения протестующих, а в то же время протестующие обращаются к результатам опросов,

² По «горячим следам» была составлена специальная подборка статей в номер журнала «Антропологический форум» [Громов, 2012], а потом на ее основе в Тарту (Эстония) была издана коллективная монография «„Мы не немцы!“: антропология протеста в России 2011—2012 годов» [«Мы не немцы!...», 2014]. В 2013 г. подборка статей о протестах других исследователей вышла в журнале «Социология власти» [Питков, 2013].

³ Проект вырос из неформальной исследовательской группы, изучавшей протесты в России в 2011—2012 гг. С 2013 г. участники создали самостоятельный проект — «Лабораторию публичной социологии» (PS Lab), которая на данный момент работает при «Центре независимых социологических исследований» (ЦНСИ)* (здесь и далее знаком * обозначено: по решению Минюста РФ АНО «ЦНСИ» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента (7-ФЗ «О некоммерческих организациях»). Сайт проекта: URL: <http://publicsociology.tilda.ws> (дата обращения: 12.10.2021).

⁴ Группа «Мониторинг актуального фольклора» была создана при Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС в 2014 г. В исследованиях протестов принимали участие не только члены группы, но и коллеги из других институций.

⁵ Про опрос участников протестных акций см. обзор [Fisher et al., 2019]. Одна из баз данных для анализа российских протестных акций была составлена Томилой Ланкиной и Алисой Возной [Lankina, 2015; Lankina, Voznaya, 2015].

чтобы осознать свою роль в протесте [там же: 205]. С другой стороны, качественный анализ — более глубокий и вдумчивый по своему содержанию — не дает возможности увидеть тренды.

Наконец, системный анализ языка «сильных высказываний» — плакатов, флагов, значков и проч. — позволяет увидеть политические сообщения разных участников, а не только организаторов. Но, насколько нам известно, такие базы данных на российском материале никто еще не делал.

Опросы проводятся методом невероятностной выборки: члены нашей группы и волонтеры-интервьюеры стоят в разных местах публичной акции, чтобы избежать «эффекта кучкования» (когда опросу подвергаются люди внутри одной группы), и опрашивают каждого пятого человека (то есть отсчитывают каждого пятого после уже опрошенного). Самим отбирать людей нельзя, как и нельзя спрашивать знакомых или тех, кто сам просится быть опрошенным. Из-за полицейского насилия и высоких рисков быть задержанными и избитыми мы сделали опрос весьма коротким и выясняли демографические характеристики — пол, возраст, образование, а также задавали вопрос «В каком году Вы в первый раз принимали участие в какой-либо публичной политической акции (митинге, шествии, пикете)?» — для того, чтобы отслеживать динамику протеста.

В опросах мы учитывали количество отказавшихся отвечать: их доля колебалась от 10% до 18% при каждом опросе⁶ (на готовность ответить могли отрицательно повлиять риски для участников акции).

Интервьюирование участников митингов проводится случайным образом прямо на месте. Задаются вопросы о том, как и почему интервьюируемый принял решение прийти на митинг, как давно и почему считает нужным участвовать в подобных акциях, как к этому относится его близкое окружение, почему сделан такой плакат, и сам ли он его делал (если интервьюируемый с плакатом), какие эмоции испытывает в данный момент. Обычно интервью на митинге длится от 5 до 30 минут. В статье, приводя фрагменты интервью в качестве иллюстраций, мы указываем пол, возраст информанта, место и время записи (то есть митинга), например: (Ж., 19 лет, Москва, 31.01.2021).

Кроме этого, мы создаем базу «сильных высказываний». Например, адресант (протестующий) может просто присутствовать на митинге (это «слабое высказывание») или сделать «сильное высказывание», которое может быть вербальным (плакат «Долой войну!»), визуальным (рисунок «пацифика») или артефактным (белый шарик в руках). «Сильные высказывания» — плакаты, флаги и флажки, значки, нашивки, ленточки, шарики, прочие артефакты (ершики, уточки, трусы), кричалки, перформансы — зафиксированные нашими наблюдателями и волонтерами, попадают в базу данных, где каждая единица — одно уникальное высказывание, совершаемое одним носителем.

Таким сложным образом наша группа с 23 января по 21 апреля 2021 г. провела комплексное полевое антропологическое исследование в Москве, Санкт-

⁶ В мировой практике проведения опросов на протестных акциях, как правило, процент отказавшихся тоже невелик и находится в пределах 15%. См. [Walgrave, Wouters, Ketelaars, 2016].

Петербурге и Казани⁷ (см. табл. 1). Промежуточным результатом нашего исследования стала публикация данных в ежегодном отчете Фонда «Либеральная миссия» [Архипова, Захаров, Козлова, 2021], а финальным — эта статья.

Таблица 1. Материалы, собранные на акциях протеста в Москве, Санкт-Петербурге и Казани, комбинированным образом, 2021*

	23.01 МСК	23.01 СПб**	2.02 МСК***	14.02 Казань	31.01 МСК	31.01 СПб	21.04 МСК****	21.04 СПб
Опрос: количество респондентов	370	—	60	122	310	453	330	377
Количество интервью	18		—	—	—	7	70	
Количество зафиксированных «сильных высказываний»	165	127	—	—	—	117	—	—

* Прочерки означают, что этот тип исследований не проводился или количества данных недостаточно.

** В Санкт-Петербурге опрос оказался невозможен, потому что на тот момент не хватило волонтеров.

*** 2 февраля люди собрались у здания Мосгорсуда, где выносили приговор Алексею Навальному (одномоментно там было около 300—500 человек). Мы опросили 65 человек (60 дали развернутые ответы). Опросить больше не представлялось возможным — полиция задержала большинство участников.

**** Интервью, взятые вместе с «Лабораторией публичной социологии» и волонтерами обеих команд.

Ограничения и слабые стороны исследования

Наше комплексное исследование протестов, особенно его квантификация, имеет свои ограничения. Во многом это связано с тем, что в 2021 г. резко возросли риски полицейского насилия не только для участников митингов, но и для наблюдателей, в том числе и для исследователей. Это привело к тому, что опросы, наблюдения и интервьюирования часто проводились в условиях, близких к боевым, что повлекло за собой следующие эффекты:

— Во-первых, мы сократили анкету до минимального количества вопросов социально-демографического характера.

— Во-вторых, отбор респондентов мог быть смещен из-за «географии» митинга. Полиция рассеивала людей на маленькие группы, загоняя их в переулки, и могло оказаться так, что в одной группе протестующих оказывалось два интервьюера, а в другой — ни одного. Чтобы избавиться по возможности от этого эффекта, координатор опроса смотрел на карту геолокаций интервьюеров и рекомендовал им сменить позиции, если несколько из них долго находились в одной и той же в одной точке.

— В-третьих, на выборку могла повлиять структура митинга. Например, люди разных возрастов или степени вовлечения в политический активизм могут стоять

⁷ Опросы и интервью в Москве проводили: Александра Архипова, Анна Чернобыльская, Елена Габер, Нина Александрова, Анна Орлова, Ольга Карташева, Асмик Новикова, Елизавета Семирханова, Елена Федоровна Югай, Сергей Ниненко. В Санкт-Петербурге — Ирина Козлова, Анастасия Карасева, Артем Серебряков. В Казани — Александра Архипова, Ирина Козлова, Гузелия Гиматинова. Кроме этих трех городов участники группы и волонтеры проводили наблюдения и записывали интервью в других городах: в Новосибирске — Сергей Белянин; в Томске — Борис Пейгин; в Вологде — Елена Алексеевна Югай; в Екатеринбурге — Иван Сорочан; в Нижнем Новгороде — Анна Курочкина; в Обнинске — Мария Гаврилова. 21 апреля мы объединили усилия с «Лабораторией публичной социологии» (PS Lab), в итоге сборная команда вместе с многочисленными волонтерами записала интервью в Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени, Берлине и Стокгольме.

на различном расстоянии от мест активного столкновения с полицией. Чтобы этого избежать, мы просили наших интервьюеров время от времени передвигаться и не опрашивать митингующих внутри одной группы;

— И, в-четвертых, размер выборки. Он не очень большой, однако на некоторых акциях число опрошенных достигало трех-четырёх сотен, здесь уместно делать количественные выводы, опираясь на следующие 95% доверительные интервалы: $N = 370$ — $\pm 5,1\%$ (Москва, 23 января); $N = 310$ — $\pm 5,6\%$ (Москва, 31 января); $N = 453$ — $\pm 4,6\%$ (Санкт-Петербург, 23 января); $N = 330$ — $\pm 5,4\%$ (Москва, 21 апреля); $N = 377$ — $\pm 5,1\%$ (Санкт-Петербург, 21 апреля).

Кроме того, нас часто спрашивают, почему в 2021 г. мы изучаем протесты в основном в Москве и Санкт-Петербурге, хотя они проходили во многих городах. Фокусировка на столицах дает несколько однобокую картину — сравнительный материал был бы гораздо интереснее. К сожалению, наша «столицецентричность» вынужденная: для того, чтобы провести такое полевое исследование, нам требовалось быстро мобилизовать группу волонтеров, и это удалось сделать только в Москве и Санкт-Петербурге, в других городах не получилось найти столько людей (за исключением Казани, куда на один из митингов выехала часть нашей команды).

Контекст уличных протестов в 2021 г.

Всплеск политической активности 2021 г. возник как отклик на события конца лета — осени 2020 г.: 20 августа во время перелета из Томска в Москву Алексею Навальному стало плохо в самолете; после экстренной посадки и госпитализации в состоянии комы его вывезли в Германию, где позднее был поставлен диагноз — отравление боевым ядом «Новичок». Отказ в расследовании и официальный диагноз омской больницы «нарушение обмена веществ» привели к росту политического напряжения и выходу людей на пикеты сразу после попадания политика в больницу. 17 января Алексей Навальный вернулся из Берлина в Москву: самолет летел во Внуково (туда приехали его многочисленные сторонники, так что встреча переросла в митинг⁸), но был перенаправлен в Шереметьево, где Навального задержали по обвинению в нарушении требований условного срока.

Акции протеста продолжились 18 января в Москве и Санкт-Петербурге⁹. 19 января вышел ставший невероятно популярным фильм-расследование ФБК** (здесь и далее знаком ** обозначено: Российское юридическое лицо, признанное в России выполняющим функции иностранного агента и экстремистской организа-

⁸ Команда Алексея Навального приглашала в социальных сетях всех желающих встречать политика в аэропорт, но в митинг, насколько нам известно (сами мы, к сожалению, его не наблюдали, поэтому делаем вывод по публикациям в СМИ и нескольким интервью с участниками, записанными уже после митинга), встреча превратилась достаточно стихийно. Полиция начала выдавливать людей от входа в аэропорт на улицу, в ответ встречающие стали скандировать кричалки, а полиция принялась задерживать всех, кто выкрикивал кричалки, демонстрировал любую символику (например флаги РФ) или просто оказался в неудачном месте. В Санкт-Петербурге в то же время было задержано несколько участников одиночных пикетов. См. подробнее о встрече: Во Внукове задержали более 50 сторонников Навального // Радио Свобода. 2021. 17 января. URL: <https://www.svoboda.org/a/31049824.html> (дата обращения: 13.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

⁹ В Санкт-Петербурге 18 января сочувствующие А. Навальному граждане устроили «народный сход» у Гостиного двора, куда пришло около 200 человек. Полиция задерживала людей, только заведя плакаты, так что их не успевали даже развернуть, а также задерживала за любые надписи или наклейки на одежде и аксессуарах (сумках, масках и т.п.). Однако люди на протяжении трех часов продолжали время от времени разворачивать плакаты и уходить в полицейские автобусы (по материалам полевых наблюдений одного из авторов статьи).

цией) «Дворец для Путина. История самой большой взятки»¹⁰, а штаб Навального призывает россиян выходить на митинги 23, а потом и 31 января. Несмотря на попытки со стороны властей предотвратить митинги, 23 января акции протеста состоялись как минимум в 198 городах в России и 95 городах за границей¹¹.

2 февраля люди собрались у здания Мосгорсуда, где выносили решение по апелляции на приговор Алексею Навальному¹². 14 февраля в Казани¹³ прошел митинг против политических репрессий¹⁴. Наконец, 21 апреля состоялась последняя волна протестов, посвященных требованиям немедленно освободить Алексея Навального в связи с его критическим медицинским состоянием. После этого началась ответная волна жестких репрессий: были заведены уголовные и административные дела против оппозиционеров¹⁵ и сочувствующих им, а ФБК⁺⁺

¹⁰ Фильм Алексея Навального «Дворец для Путина. История самой большой взятки» набрал больше 100 млн просмотров в YouTube // Информбюро 31. 2021. 29 января. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wmtLsQXRUIQ> (дата обращения: 13.10.2021).

¹¹ Такие данные указывает русская служба новостей Би-би-си. Подробнее см.: 293 акции в поддержку Алексея Навального: митинги и пикеты 23 января 2021 года // BBC News Russian. 2021. 30 января. URL: https://vk.com/wa-11-17842936_479208?z=photo-17842936_457310591%2F7818ceba81481a10c3 (дата обращения: 13.10.2021).

¹² На стихийном «стоянии у суда» 2 февраля одновременно задержали около 300—500 человек. Большинство из них были задержаны в течение двух часов. Всего в Москве 2 февраля были задержаны больше тысячи человек. Подробнее см.: Суд по делу Навального и реакция на него. Главное // РБК. 2021. 3 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2021/60187b089a794768d5f6ed3b?> (дата обращения: 21.10.2021).

¹³ 14 февраля на площади Тысячелетия Казани мэрия города согласовала митинг «Против задержаний и репрессий и изменения выборного законодательства в Госдуму» с 13:30 до 15:00 с ограничением количества участников до 200 человек. Это был первый с февраля 2020 г. (после марша памяти Б. Немцова 29.02.2020) согласованный митинг в Российской Федерации. На митинг пришло значительно больше 200 человек, но пропустили только около 200, остальные пришедшие стояли за огороженным периметром (по материалам полевых наблюдений авторов статьи).

¹⁴ К этому моменту по стране на митингах и пикетах в поддержку А. Навального было задержано более 11 тыс. человек, из которых 23 января было задержано минимум 4 033 человека (по данным «ОВД-Инфо» на 29.01.2021, подробнее см.: URL: <https://ovdinfo.org/articles/2021/01/29/poziciya-ovd-info-po-massovym-presledovaniyam-v-svyazi-s-akciyami-23-yanvarya>) (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента). 31 января было задержано не менее 5 754 человек (по данным «ОВД-Инфо» на 31.01.2021, подробнее см.: URL: <https://ovdinfo.org/articles/2021/01/31/vtoraya-vserossiyskaya-akcija-protesta-svobodu-navalnomu-itogi-31-yanvarya>) (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента); 2 февраля — минимум 1 512 человек (по данным «ОВД-Инфо» на 8.02.2021, подробнее см.: URL: <https://ovdinfo.org/news/2021/02/02/spisok-zaderzhannyh-v-svyazi-s-sudom-nad-alekseem-navalnym-2-fevralya-2021-goda>) (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента). Кроме того, людей регулярно задерживали на одиночных пикетах в поддержку А. Навального.

¹⁵ По итогам митингов в поддержку А. Навального возбудили 90 уголовных дел на участников, см.: Литой А., Анисимов Д., Дурново Г. «Дворцовое дело»: кто эти люди и за что их судят. Гид ОВД-Инфо // ОВД-Инфо. 2021. 15 февраля. URL: <https://ovdinfo.org/navalny-protests> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента). 1 июня были возбуждены уголовные дела против политиков Дмитрия Гудкова (см.: Филипенко А., Серков Д. МВД возбудило уголовное дело из-за патронов в квартире Гудкова // РБК. 2021. 3 июня. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/06/2021/60b8a2249a79470477bedfe8> (дата обращения: 22.10.2021)) и Андрея Пивоварова (см.: Куликова К., Перова А. Уголовное дело против Андрея Пивоварова возбудили из-за репоста в Facebook // Коммерсант. 2021. 1 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4837966> (дата обращения: 22.10.2021)), а 17 июня — против муниципального депутата Катеван Хараидзе (см.: В Москве сотрудники СК задержали муниципального депутата Катеван Хараидзе // ОВД-Инфо. 2021. 18 июня. URL: <https://ovdinfo.org/express-news/2021/06/18/v-moskve-sotrudniki-sk-zaderzhali-municipalnogo-deputata-ketevan-haraidze> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента) и депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга Максима Резника (Дело о марихуане. Депутат Максим Резник в суде // Медиазона. 2021. 18 июня. URL: https://zona.media/online/2021/06/18/reznik_case (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента)) и др.

признали экстремистской организацией¹⁶, что свело на нет уличную протестную активность.

Митинг как сообщение, инициация и «отчет очевидца»

Как правило — и в этом существенный недостаток многих работ, посвященных протестам, — исследователи видят митинг как некий единый механизм, все «детали» которого подчинены одной цели и действуют одинаковым образом. Однако это не так. Люди, оказавшиеся в одной точке пространства и времени, называемой «митинг»¹⁷, могут совершенно по-разному фреймировать свое участие в этом действии¹⁸. Уличные протесты в поддержку Алексея Навального в этом смысле не исключение.

Участие в митинге может представлять собой *публичное политическое сообщение*, адресованное окружающим или властям. Протестующие, которые фреймируют его подобным образом, как правило, стремятся сделать свое присутствие максимально заметным с помощью речевок, плакатов, артефактов или даже перформансов (то, что мы называем «*сильные высказывания*»). Естественно, что количество публичных политических сообщений сокращается под действием внешних причин, прежде всего полицейского насилия, и внутренних — участники разочаровываются в этом способе коммуникации. Так, на митингах «за честные выборы» в Москве в январе и феврале 2012 г. антропологи отмечали, что в среднем плакаты или другие «*сильные высказывания*» держали каждый третий-четвертый участник митинга [Алексеевский, 2012]. В 2021 г. на единственном согласованном митинге в Казани, состоявшемся 14 февраля, 22% опрошенных держали плакаты, делали надписи на теле или иные «*сильные высказывания*» (см. приложение 1). На несогласованных шествиях и митингах в Москве в 2019 г. (в связи с делом И. Голунова, недопуском к выборам независимых кандидатов и полицейским насилием) количество «*сильных высказываний*» колебалось от 5% до 8%.

Однако в связи с возросшими рисками для участников несогласованных митингов в 2021 г. (на «народных сходах» и пикетах жестко задерживали всех людей с плакатами) количество «*сильных высказываний*» резко упало: среди опрошенных участников московского митинга 23 января только 3% рискнуло усилить свое присутствие на митинге «*сильным политическим высказыванием*», а 31 января — 1%. Это минимальный показатель за несколько лет исследований¹⁹. Большинство протестующих пришло просто поддержать протест своим присутствием, о чем прямо говорили некоторые участники: «Я идею представляю своим присутствием, а не тем, что я хожу с плакатом» (М., 16 лет, Санкт-Петербург, 23.01.2021).

Тем не менее интересно посмотреть, какие политические «*сильные высказывания*» делали те немногие, кто прибег к подобной стратегии, рискуя быть задержан-

¹⁶ Алехина М. Суд признал ФБК и Штабы Навального экстремистскими организациями // РБК. 2021. 9 июня. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/06/2021/608670e09a7947709c4de06c> (дата обращения: 22.10.2021).

¹⁷ С точки зрения правоохранителей митинг — это «массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем» (Ст. 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ, ред. от 07 июня 2017).

¹⁸ Об этом см. Подробнее нашу статью «Пересборка митинга...» [Архипова и др., 2018].

¹⁹ При проведении опроса интервьюер должен был отмечать в программе наличие сильного высказывания.

ными. Для этого мы проанализировали содержание только вербальных «сильных высказываний» (плакатов с текстом), которые могут быть разного происхождения: институциональные²⁰ и вернакулярные²¹. Митингующие, сделавшие свои плакаты дома сами, поднимали гораздо более широкий диапазон проблем (отношение к президенту, политические репрессии, социальное неравенство), чем было заявлено ФБК** в повестке митинга (см. табл. 2). Тема коррупции, отметим, отступила на второй план.

Таблица 2. Тематика институциональных и вернакулярных вербальных высказываний (текстов плакатов) в Москве и Санкт-Петербурге 23 января (абсолютные цифры)*

Тематика	Вербальные плакаты			
	Институциональные		Вернакулярные	
	Москва 47 плакатов	Санкт-Петербург 14 плакатов	Москва 50 плакатов	Санкт-Петербург 43 плаката
Требование освободить А. Навального и поддержка А. Навального	42 (Свободу Навальному)	8 (Отпустите Навального)	10 (Из тюрьмы выпустить! На выборы пустить!)	12 (Руки прочь от Навального)
Отношение к президенту В. Путину	5 (Не боюсь бункерного деда)	3 (Путин боится Навального)	16 (Путин вор, Путин лжец, скоро Путину конец)	6 (Путин трус, а не мужик, вывез деньги в Геленджик)
Бедственное положение в стране	1 (Невыносимо)	1 (Эпоха—средневековье, режим—тирания, царь—главарь ОПГ...)	5 (Все настолько плохо, что даже интроверты вышли на улицу)	3 (20 лет жизни нет)
Социальное неравенство и коррупция	2 (Дворец под санаторий для льготных категорий)	—	3 (Куплю ершик в складчину!)	6 (Россия—Дворец Путина, а мы в нем—комната грязи)
Политические репрессии	—	1 (Свободу Азату Мифтахову! Свободу политзаключенным)	4 (Свободу узникам совести)	8 (Моя Россия сидит в тюрьме)
Запрос на перемены	—	—	6 (Пора выйти из комнаты для грязи)	4 (Нам НЕ нужно потерпеть еще немножко)
Другое (общее протестное)	1 (За правду!)	2 (Только народ может решать—кого выбирать, а кого сажать)	10 (Я здесь из-за любви к стране)	7 (Самураи выбирают митинг!)

* Текст плаката может содержать больше одной темы (например, отношение к В. Путину и требование свободы А. Навальному), поэтому абсолютное число «сильных высказываний» больше, чем количество плакатов.

²⁰ Плакаты и другие знаки протеста, которые раздавали волонтеры штабов А. Навального, а также приносили с собой некоторые левые партии, мы называем институциональными. Человек, который, приходя на митинг, берет в руки такой плакат, становится «голосом» этой партийной группы.

²¹ «Сильные высказывания», которые сделаны руками самих митингующих, и, как правило, заранее и вне партийных инструкций, отражают не мнение института, но собственное. Именно поэтому мы называем такие «сильные высказывания» вернакулярными (то есть «народными», которые люди делали сами). Отметим, что в Москве количество институциональных и вернакулярных плакатов было почти равным, в Санкт-Петербурге вернакулярных плакатов было в три раза больше, чем институциональных.

Другие участники могут воспринимать митинг как эмоциональную инициацию. Этот тип вовлечения иногда сочетается со стремлением сделать политическое сообщение, а иногда — наоборот, противоречит ему: «писать на плакате прописные истины — это глупо, а вот проверить себя в столкновении с полицией — это самое то» (М., 19 лет, Москва, 31.08.2019).

Эмоциональная инициация через митинг — это включение в важный исторический процесс, борьба со своим страхом, поиск соратников и друзей, вхождение в группу посвященных, эмоциональное взросление. Наш собеседник рассказал нам на митинге 23 января, что в протестах начал участвовать примерно год назад. А на вопрос, что его к этому подтолкнуло, ответил: «Ну, потому что, видимо, стал взрослее, осознал, что пора выйти» (М., 23 года, Санкт-Петербург, 23.01.2021). И в 2021 г., и раньше наши молодые информанты говорили, что на митинге очень важно чувствовать себя среди единомышленников: «самым крутым для меня было чувство единения с людьми» (Ж., 19 лет, Москва, 26.03.2017). Это единение помогает преодолеть свои страхи и сомнения, поверить в свои силы: «ну конечно, страшно, но я вижу, что тут огромная солидарность у людей, друг за друга горой, хватались, кричали „позор“ и мне это очень нравится» (Ж., 17—18 лет, Санкт-Петербург, 08.03.2017).

Подобное эмоциональное и ритуализированное переживание митинга требует публичной репрезентации. В этом и заключается отличие двух форм поведения — ощущение митинга как эмоционального переживания требует большей публичной репрезентации себя, а не только своего политического заявления. Поэтому на митингах 26 марта 2017 г. против коррупции молодые люди стремились подчеркнуть свое присутствие — устраивали коллективные фотографии, охотно позировали журналистам и вели стримы из автозак. Такое увеличенное медийное присутствие создавало иллюзию, что практически все участники протестов 2017 г. — очень молодые люди.

Но сейчас публичная саморепрезентация участника митинга претерпела заметные изменения (в частности, благодаря кампаниям по запугиванию). Например, на митинге в Санкт-Петербурге 23 января две девушки тринадцати лет сказали нам, что делают «фоточки» на митинге себя и друзей, но на вопрос, где они их публикуют, одна из них ответила, что не будет никуда выкладывать, потому что боится, что будут проблемы в школе (Ж., 13 лет, Санкт-Петербург, 23.01.2021), а другая — что выкладывает в закрытый чат только своим одноклассникам, которые тоже на стороне Навального (Ж., 13 лет, Санкт-Петербург, 23.01.2021). Она же сказала, что «плакатов не делала, чтобы не вызывать внимания, чтобы полиция не схватила, так как нам всего по 13 [лет]».

Совсем иная форма участия в митинге проистекает из восприятия себя как свидетеля происходящего: «Я лично для себя [фотографировал], ну и просто посмотреть на историю [пришел], грубо говоря» (М., 16 лет, Санкт-Петербург, 23.01.2021). Этот формат участия отметил еще Михаил Габович на митингах 2011—2013 гг. Используя слова его информанта, можно сказать, что позиция такого дистанцированного наблюдателя описывается как «смотреть, слушать, наблюдать» [Gabowitsch, 2017: 207]. Этот тип поведения на протестных акциях 21 апреля 2021 г. отметили наши коллеги — исследователи Олег Журавлев и Светлана Ерпылева: «Часть протестующих

выходили на митинги из любопытства, не озвучивая никакие конкретные требования. Они пришли „посмотреть, что из этого выйдет“ (М., 28 лет, Москва), „посмотреть, ну, со стороны, как это все пробивается в обществе и насколько там это, народ, на самом деле, готов, там, эти вопросы обсуждать“ (М., 39 лет, Санкт-Петербург)²². О. Журавлев и С. Ерпылева объясняют появление такой позиции тем, что присутствующие не смогли выразить свое недовольство на языке требований, предлагаемых лидерами протестов²³. Однако это не обязательно связано с политической незрелостью, скорее, это стремление максимально себя дистанцировать от происходящего, занять позицию наблюдателя. Потенциальному участнику протеста хочется посмотреть на то, что он обсуждал или о чем слышал, причем эта позиция может перевешивать собственно политические причины участия. На митинге в Казани 14 февраля молодые люди на вопрос о причинах участия в протесте довольно часто (не менее 30 таких ответов) отвечали следующим образом: «посмотреть, кто придет», «как будет полиция относиться», «какие партии появятся», «посмотреть, что такое митинг», «мне 16, меня раньше мама не отпускала на митинги, а я хотела посмотреть, разрешила только на этот».

Для свидетеля происходящего очень важно стремление проверить своими глазами, стать очевидцем. Люди приходят сверить свои ощущения с тем, что они увидят: «Как адвокату мне было важно, что происходит на месте, как проходят задержания, как ведут себя встречающие <...>. Ты своими глазами видишь события <...>. Лишний раз убеждаешься в мирном характере акции и в отсутствии провокаторов или в их наличии» (М., 60 лет, Москва, февраль 2021)²⁴. Здесь мы снова возвращаемся к проблеме публички и неполучения адекватных знаний о происходящем: «Я раньше не верил во все это [жестокое отношение к протестующим], пришел посмотреть, получил дубинкой сразу же, хотя ровно стоял, и сразу все понял» (М., 40 лет, Москва, 31.08.2019). Увиденное на митингах дает возможность наблюдателям подтвердить свои ощущения, часть из них становятся активистами, а другие начинают поддерживать протестующих, возя передачи или приходя к судам. При этом делать политические заявления и посещать митинги они не хотят, потому что цель наблюдения уже достигнута.

Мы не утверждаем, что этими тремя типами исчерпывается типы восприятия митинга — отнюдь нет. Мы скорее хотели подчеркнуть разнообразие мотивировок для участия в митинге: одни своим присутствием и плакатами стремятся сделать публичное высказывание и этим повлиять на происходящее, другие через участие в митинге меняют себя и свои взгляды, хотя пережить чувство единения с людьми, а третьи — быть свидетелями происходящего.

Ершики и трусы: десакрализация власти через знаки-индексы

Одна из наших собеседниц 23 января в Санкт-Петербурге пришла на митинг с цветком, сделанным из ершика и лент-лепестков в цветах российского флага,

²² Журавлев О., Ерпылева С. Что нового в новых протестах? // OpenDemocracy. 2021. 25 мая. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/chto-novogo-v-novyh-protedah-erpyleva-zhuravlev/?fbclid=IwAR3IwTkKvpUlcCN7DLTAc9XC0d0zdWDXBaRvUoIQZyEu72bINZqvQAb6EM4> (дата обращения: 22.10.2021).

²³ Там же.

²⁴ Интервью с участником встречи Навального 17 января во Внуково, записано в феврале 2021 г.

о котором рассказала в интервью следующее: «Такой получился цветок необычный. Каждый цвет несет какую-то смысловую нагрузку. Это такие тайные послания, которые на сегодняшний момент мы посылаем в эфир — правительству нашему, людям, народу» (Ж., 54 года, Санкт-Петербург, 23.01.2021). Такая тактика сейчас свойственна многим протестующим: они создают знаки-индексы²⁵, «тайные послания», позволяющие одновременно указать на проблему и высмеять ее [Архипова и др., 2018].

На акциях протеста 2021 г. появились два новых знака-индекса, которые позволяют продемонстрировать в публичном пространстве две важные для россиян проблемы. *Ершик* отсылает к теме непозволительной роскоши, несоизмеримости жизни простых россиян и политической элиты, а «*труссы Навального*» стали знаком-индексом политических репрессий и политических убийств. Ирония, выступающая второй составляющей знака-индекса, оказывается «усилителем» протестного сигнала: она привлекает больше внимания, вызывает юмористическую реакцию и способствует запоминанию.

Митингующий, поднимающий над головой только что купленный ершик, отсылает к эпизоду фильма ФБК** «Дворец для Путина. История самой большой взятки», где показывается бессмысленно дорогой ершик для туалета. Именно ершики 23 января занимали 10% среди «сильных высказываний» в Москве и 9% в Петербурге. Роскошь «дворца В. Путина», продемонстрированная в фильме, неинструментальна с точки зрения государства. Она не нужна социуму: там не награждают, не принимают публично делегации. Эта роскошь частная и при этом нарушающая все границы возможного в представлениях о богатстве человека. Воображение людей, пораженное масштабами дворца, породило в январе 2021 г. много шуток: «Во дворце Путина обнаружен Геленджик»; «В этом видео я узнал — моя квартира стоит диван». Сразу же появилась новая единица измерения: пользователи соцсетей наперебой измеряют свои зарплаты и стоимости квартир в ершиках для туалета из дворца. Так, пользователи соцсетей рассчитали, что средняя зарплата российского учителя равна 0,5 ершикам. Это раздражение стало аргументом для участия в митинге. Например, одна из наших собеседниц говорила, что ранее поддерживалась от выхода на протестные акции, потому что поддерживает мирное решение любых конфликтов, но на этот раз не смогла остаться дома:

Если бы власть не была коррумпирована, то наше мнение бы учитывалось, а так как оно не учитывается, нет других легальных способов показать свое сопротивление <...>. У меня просто уровень злости на то, что люди могут так себе позволять жить на деньги, которые не заработали, слишком высок. (Ж., 21 год, Санкт-Петербург, 23.01.2021)

На втором месте по популярности среди знаков-индексов с большим отрывом находятся «труссы Навального». Этот мем отсылает к видео с записью разговора Алексея Навального с сотрудником ФСБ Константином Кудрявцевым²⁶, где гово-

²⁵ Индекс в семиотической теории — это тип знака, указывающий на объект (например, через причинно-следственную связь). Дым, который мы видим в путешествии, — это индекс человеческого жилья (или пожара).

²⁶ Я позвонил своему убийце. Он признался // Алексей Навальный. 2020. 21 декабря. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ibqjet6Bg38> (дата обращения: 22.10.2021).

рится, что яд «Новичок» был нанесен сотрудниками на нижнее белье политика. Сразу после этого видео «трусы Навального» в качестве знака-индекса начали активно использовать пикетчики. Так, 22 декабря 2020 г. в Москве был задержан за одиночный пикет режиссер Виталий Манский, вышедший с трусами к зданию ФСБ²⁷, а в Санкт-Петербурге в то же день у Гостиного двора прошла серия одиночных пикетов с трусами²⁸, которые продолжались до конца года. Через неделю после видео нам удалось поговорить с участником одиночного пикета в Москве у метро «Арбатская», стоявшим с плакатом, на котором был нарисован тот же самый знак-индекс и написан текст «Сдам трусы в стирку на Лубянку». Участник пикета сказал, что после просмотра видео разговора А. Навального со своими отравителями решил, что не может просто сидеть дома:

Я увидел последнее расследование про отравление, особенно вот этот разговор с Кудрявцевым, меня, конечно, это очень поразило, но даже не из-за того, что это сделали именно с Навальным, меня поразило, как настроена-устроена система убийств у нас в России. (М., 47 лет, Москва, 29.12.2020)

За январь 2021 г. ироническая расшифровка ФСБ как «Федеральная стирка белья» или «Федеральное стиральное бюро» было процитировано только в открытых соцсетях не менее 27 295 раз²⁹.

Не стоит думать, что использование знаков-индексов приносит своим адресантам какие-то преференции. Как мы видим из примеров выше, знак-индекс может привлекать такое же внимание, как и плакат, а его «носитель» тоже будет наказан. Тем не менее протестующие на малых и больших акциях активно прибегают к знакам-индексам, а не к «серьезным» лозунгам. Этому есть одно объяснение: они оказываются крайне успешным и быстрым (в изготовлении и предъявлении) способом десакрализации власти. Недаром наш собеседник, потрясенный открытостью попытки политического убийства (см. цитату выше), использовал именно знак-индекс, чтобы указать на проблему.

Создание и активное поддержание подобного индексального языка есть способ протестующих заявить о самих себе и своем едином видении проблемы — без него их нет в политическом пространстве³⁰. Как известно, индексы применялись и в 2011 г., когда протестующие стали использовать белую ленточку как знак борьбы за честные выборы [Титков, 2016]. Однако есть существенная разница. Белая ленточка — знак-индекс 2011—2012 гг. — указывал на позицию протестующего, но не содержал иронии. Знаки-индексы, начиная с 2017 г. (вспомним уточек!), под-

²⁷ У здания ФСБ задержали режиссера Виталия Манского за пикет в поддержку Навального // МБХ—Медиа. 2020. 22 декабря. URL: <https://mbk-news.appspot.com/news/na-lubyanke-zaderzhali/> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

²⁸ Еремеев С. «Федеральная стирка белья»: В Петербурге пикетировали с трусами в руках // ЗАКС.РУ. Политическая жизнь Петербурга. 2020. 22 декабря. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/208112> (дата обращения: 22.10.2021).

²⁹ По данным «Медиагогии», с учетом того, что «Медиагогия» не «видит» мессенджеры.

³⁰ О похожих вещах пишет Михаил Габович [Gabowitsch, 2017: 243].

черкнуто ироничны, они не столько отсылают к политической позиции адресанта, сколько стремятся к полной десакарализации власти через высмеивание.

Вопрос о количестве участников митингов

После того как мы описали разные типы восприятия митинга и особенности его языка, мы можем вернуться к вопросу о социальной и возрастной структуре протеста 2021 г., где не обойтись без обсуждения болезненного вопроса о его численности.

Обсуждения численности митингов последние десять лет по сути оказываются сражением за признание протестующих меньшинством или большинством (недаром Михаил Габович посвятил этому целый раздел своей книги [Gabowitsch, 2017: 201—206]). С 2011 г. и по текущий момент полицейские данные дают намеренно заниженную картину³¹, а граждане в ответ занимаются любительскими подсчетами, призванными доказать их масштабность³².

Данные о численности митингов 2021 г. привести еще сложнее, чем в предыдущие годы. Волонтерское движение «Белый счетчик» отказалось от подсчетов, ибо это было невозможно: протестующие пытались собраться шествием, а потом рассеивались полицией на небольшие группы³³. Мы должны отметить, что такая стратегия полиции не только призвана мешать массовым политическим высказываниям, но и не дает возможности сделать картинку массового присутствия, которая и оказывает, как правило, мобилизирующее влияние на публику (вспомним картину массового скопления людей на проспекте Сахарова в 2011 г., которая еще долго мотивировала людей на протесты).

Из-за этих факторов оценить количество участников митинга сложно даже «на глазок». Так, 23 января в Москве на акции протеста присутствовало по версии МВД 4 тыс. человек, а согласно оценке координатора ФБК** Ивана Жданова — 50 тыс. Политологи Кирилл Рогов и Абы Шукюров считают, что «если отбросить оценки организаторов и полиции, то он [интервал] сужается до 10—40 тыс. человек» [Рогов, Шукюров, 2021: 57]. В целом же по стране, согласно оценке Кирилла Рогова, общее число протестующих находилось в диапазоне 100—200 тыс. человек, что сделало акцию «одной из крупнейших для России в XXI веке по численности и сопоставимой с топовыми акциями 2011—2012 гг., а также уникальной по географическому охвату и по численности протестующих за пределами столиц» [Рогов, 2021: 83]. С другой стороны, «протесты 23 января не вышли за пределы того коридора массовости, который сформировался еще в ходе протестной волны 2011—2012 гг.» [там же]. Мы не беремся судить о численности протестных акций, однако наши данные позволяют косвенным образом предположить, что общее ко-

³¹ См., например: Каганских А. Как МВД занижают явку на митинги — в одном графике // ОВД-Инфо. 2019. 14 августа. URL: <https://ovdinfo.org/articles/2019/08/14/kak-mvd-zanizhaet-yavku-na-mitingi-v-odnom-grafike> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

³² Это привело к тому, что ряд независимых исследователей в 2013 г. создали волонтерское объединение «Белый счетчик», чтобы вести подсчеты количества участников. Волонтеры стоят возле рамок и считают, нажимая механический счетчик-кликер, прошедших рамки. Такой метод можно применять с оговорками, когда нет рамок, но есть направленные потоки людей.

³³ Более подробное описание передвижений митингующих см. в приложении 2.

личество их участников в Москве 23 января и 21 апреля было примерно одинаковым (см. сравнительный анализ численности московских акций в приложении 2).

Мифология о «шkolоте»: сколько подростков было на митингах?

- *Что, девочки, там в Москве?*
- *Протесты.*
- *Против Путина?*
- *Да.*
- *И вы там были?*
- *Да.*
- *Я слышала, что туда мальчиков привозят маленьких, они там бузят.*

— такой диалог у нас состоялся весной 2021 г. в экспедиции в Ставропольском крае. Вопросы нашей собеседницы, административного работника в большом селе, отражают основное представление публики о протестах как о «шkolоте, которая митингует».

Призыв ФБК⁺ выйти на улицы, появившийся 19 января, запустил волну поддержки в социальных сетях, в первую очередь в TikTok. Посты с хештегом #23января с 19 по 22 января набрали в этой социальной сети 110 млн просмотров, а хештег #СвободуНавальному за тот же период — 72 млн³⁴. Представление публики о TikTok как о подростковой социальной сети приводит к реактуализации тропа (ставшего популярным в марте 2017 г.³⁵), что «на митинги ходит одна шkolота», «в протестах активно участвуют одни школьники». Такое видение протестов интерпретируется сторонниками оппозиционных взглядов как «наша молодежь не боится власти», «будущее за нашими детьми», в результате чего в TikTok активно распространяются посты с рассказами, как учащиеся снимали в школе накануне митингов портреты В. Путина или постили инструкции о том, как идти на митинг³⁶.

В то же время более лояльные к власти пользователи социальных сетей интерпретировали популярность протестных акций в TikTok совсем в другом ключе, а именно, что «Навальный прикрывается нашими детьми». Высказывания «Навальный заманивает на митинги наших детей», «на митинги ходит одна шkolота», «Навальному нужны дети на массовки» или даже «оппозиционеры — это опытные педофилы»³⁷ стали активно появляться в государственных СМИ, их распространяли в школах и университетах. TikTok стали обвинять в «политической

³⁴ Сапрыкин — младший Ю. В тиктоке новый тренд — #свободунавальному. Видео по этому хештегу посмотрели больше 80 миллионов раз // Meduza. 2021. 21 января. URL: <https://meduza.io/shapito/2021/01/21/v-tiktoke-novyy-trend-svobodunavalnomu-video-po-etomu-heshtegu-posmotreli-bolshe-80-millionov-raz> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

³⁵ 26 марта 2017 г. во многих городах России проходили митинги, организованные «Фондом борьбы с коррупцией»⁺.

³⁶ Пономарева А. Кто «гонит детей на улицы»? Сетевые споры об акции 23 января // Радио Свобода. 2021. 22 января. URL: <https://www.svoboda.org/a/31063205.html> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

³⁷ Жиринов А. «Навальный, 23 января и TikTok»: как политики крадут детей // Ридус. 2021. 20 января. URL: <https://www.ridus.ru/news/345724?fbclid=IwAR1bFgneVbRtnrHjVYlR1pvpWJTFrgwBnOLeGLp9hwmMNLlYzsTp4WZ3hXE> (дата обращения: 22.10.2021).

педофилии». Например, фраза «ТикТок зазывает на митинги школьников» была процитирована в российских социальных сетях не менее 33,5 тыс. раз (не считая мессенджеров) с 19 января по 10 февраля 2021 г., причем она и подобные ей утверждения распространялись в основном во «ВКонтакте»³⁸.

Однако представление о преобладающем количестве несовершеннолетних на митингах оказалось неверным. Действительно, школьники высказывали большую поддержку политическому протесту, но выйти на улицы решились немногие. Доля несовершеннолетних на несогласованных митингах была очень невелика и составляла от 1,1% до 5,7% на тех акциях, где мы проводили опросы (см. табл. 3³⁹). Это соотносится с картиной по задержаниям: волонтерский проект «ОВД-Инфо»⁴⁰ (здесь и далее знаком *** обозначено: российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента) сообщил, что 23 января в целом по стране было задержано 4002 человека, из них 195 несовершеннолетних, то есть 4,9%⁴⁰. Это притом, что более высокие шансы быть задержанными на митинге имеют именно молодые участники (в соответствии со стремлением доказать, что «оппозиционеры используют детей»).

Таблица 3. **Возрастные характеристики участников митингов 2021 г.**
 (в % от количества опрошенных на каждом митинге)

Возраст	23.01. Москва	31.01. Москва	31.01. СПб	14.02. Казань	21.04. Москва	21.04. СПб
N респондентов	370	310	453	122	330	377
менее 18 лет	4,4	1,6	1,8	5,7	3,0	1,1
18—24 лет	24,9	23,6	32,9	40,2	28,2	34,8
25—39 лет	42,7	47,7	47,7	31,2	44,6	42,7
40—54 лет	19,5	17,4	13,7	13,1	13,6	11,1
55 и старше	8,5	9,7	4,0	9,8	10,6	10,3
Медианный возраст (лет)	31	30	28	25,5	29	27

Возможно, некоторое количество митингующих добавляли себе возраст, говоря, что им уже исполнилось восемнадцать лет. Однако даже с учетом этого подростки составили незначительное меньшинство среди участников протестов: доля тех, кому было восемнадцать лет и меньше, составляла всего 4,2% 21 апреля в Москве и чуть меньше — в Санкт-Петербурге. В Казани, где митинг 14 февраля

³⁸ Здесь и далее приводятся данные мониторинга социальных сетей, регулярно проводимого группой «Мониторинг актуального фольклора» с помощью анализатора социальных сетей «Медиаалогия».

³⁹ Здесь и далее в таблицах при суммировании округленных значений сумма может отличаться от 100% на 0,1%.

⁴⁰ Данные на 28.01.2021, см.: Шубин М. «Свободу Навальному!» Итоги всероссийской акции протеста 23 января // ОВД-Инфо. 2021. 23 января. URL: <https://ovdinfo.org/articles/2021/01/23/svobodu-navalnomu-itogi-vserossiyskoj-akcii-protesta-23-yanvarya> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

был согласован, можно было бы ожидать больший процент несовершеннолетних, но он поднялся незначительно — до 5,7 %, а с учетом тех, кому уже исполнилось восемнадцать лет, или тех, кто притворялся, что достиг этого возраста, — до 7,4 %.

Небольшое количество несовершеннолетних на митинге вряд ли является только следствием политики запугивания. Это скорее нормальная ситуация: например, в Москве на митинге 24 декабря 2011 г. было 5 % несовершеннолетних [Соколова и др., 2012], во время летних протестов 10 августа 2019 г. — 8 %, а 31 августа того же года во время несогласованного шествия по бульварам — 7 %⁴¹.

Таким образом, представление о протестах как о «революции детей» так же, как и страх «за наших детей, которыми прикрывается Навальный», не соответствуют реальной возрастной структуре митингов. Хотя поддержка подростками политической оппозиционной активности, в том числе и уличной, в социальных сетях была очень велика, активнее участвуют в уличных протестах более старшие возрастные группы.

Возрастная структура митинга

В таблице 3 представлено распределение участников митингов по возрастным группам. Как мы видим, группа молодежи от 18 до 24 лет составляет от 24 % до 40 %. Это достаточно большая доля, однако скептик мог бы сказать, что в этом нет ничего неожиданного, потому что это нормальная пропорция молодежи среди жителей столиц. Чтобы понять, так ли это, мы сравнили полученные данные с фактическим распределением по возрастам жителей соответствующих городов. По данным Мосстата⁴² и Петростата⁴³, в Москве проживает 10,6 млн человек в возрасте старше 14 лет, а в Санкт-Петербурге — 4,6 млн. Если бы москвичи и петербуржцы пришли на митинг пропорционально тому, как возрастные группы представлены в мегаполисах, то мы бы имели возрастную структуру митингов, соответствующую столбцам на рисунке 1. Однако, как мы видим, в Москве молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет было в четыре раза больше гипотетически ожидаемого, а в Петербурге — в пять раз больше. Доля жителей обеих столиц в возрасте 25—29 лет была в 2,5—3 раза выше ожидаемой. А вот доля людей 40 лет и старше на митингах меньше, чем их доля в возрастном срезе обеих столиц.

Таким образом, наиболее вовлеченная в протест группа — молодежь 20—24 лет. Это соотносится с данными социологических опросов россиян: по результатам опроса «Левада-центра»⁴⁴, именно молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет значительно больше других возрастных групп одобряли январские протесты⁴⁴. Более молодой профиль участников митингов в Санкт-Петербурге может быть связан с тем, что люди более старших возрастов здесь в меньшей степени готовы участвовать в протестных акциях, чем в Москве, где накоплен значительно больший опыт 2010-х годов⁴⁵.

⁴¹ Данные собраны нашей группой во время московских протестов июля-августа 2019 г. [Архипова и др., 2019].

⁴² Подробнее см.: URL: <https://mosstat.gks.ru/> (дата обращения: 17.10.2021).

⁴³ Подробнее см.: URL: <https://petrostat.gks.ru/> (дата обращения: 17.10.2021).

⁴⁴ Подробнее о результатах опроса см.: Январские протесты // «Левада-Центр». 2021. 10 февраля. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

⁴⁵ Благодарим нашего коллегу Кирилла Рогова, который указал нам на это возможное объяснение.

Рис. 1. Доли возрастных групп жителей Москвы и Санкт-Петербурга и участников протестов в этих городах⁴⁶

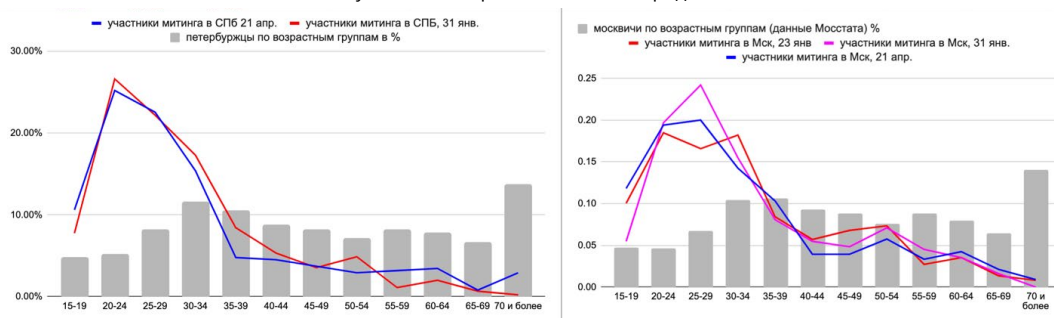
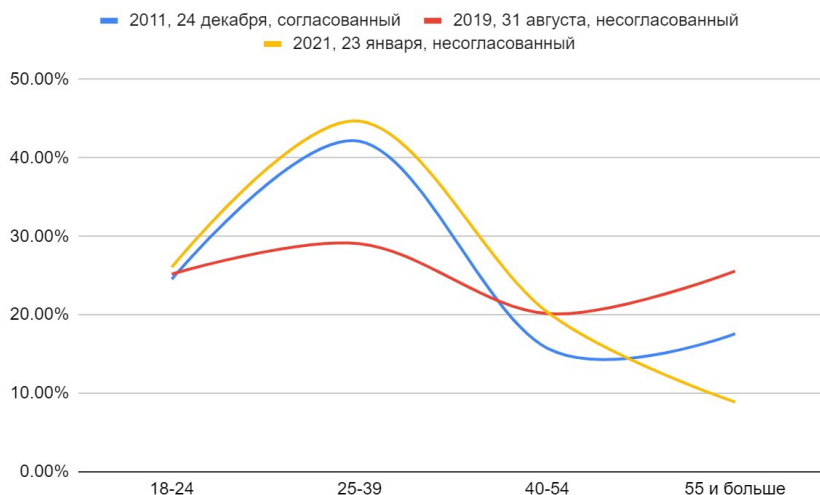

Рис. 2. Доли возрастных групп участников московских митингов 2011⁴⁷, 2019 и 2021 гг. (за 100% приняты участники митингов от 18 лет)

Небольшое (к сожалению) количество данных позволяет сравнить возрастную структуру протестов 2021 г. с согласованным митингом «За честные выборы» 24 декабря 2011 г.⁴⁸ и с несогласованной акцией «За допуск кандидатов в депутаты Мосгордумы» 31 августа 2019 г. в Москве. Как мы видим (см. рис. 2), молодежь преобладает во всех трех случаях, а вот старшее поколение перестает участвовать в уличных протестах.

⁴⁶ Источники данных: опросы в Москве 23 января, 31 января и 21 апреля и в Санкт-Петербурге 31 января и 21 апреля; данные Мосстата, см.: URL: <https://mosstat.gks.ru/folder/64634> (дата обращения: 22.10.2021), и Петростата, см.: <https://petrostat.gks.ru/folder/27595> (дата обращения: 22.10.2021).

⁴⁷ Данные за 2011 г. приведены по статье [Соколова, Головина, Семирханова, 2012].

⁴⁸ По данным опроса, который проводили Анна Соколова, Мария Головина и Елизавета Семирханова на митинге «За честные выборы» 24 декабря 2011 г. на проспекте Сахарова в Москве [Соколова, Головина, Семирханова, 2012].

Бомжи или кандидаты наук?

Среди протестующих оказалось очень много людей с высшим и неполным высшим образованием (см. табл. 4). Это противоречит как популярному мифу о том, что на митинги ходят «одни спившиеся бомжи», так и представлению, что это совершенно нормально, поскольку у нас практически все имеют высшее образование.

Согласно данным переписи 2010 г., полное высшее образование имеют 23% россиян, в Москве их доля существенно выше — 42% [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017]. На митинге 31 января в Москве 71% опрошенных имели полное высшее образование, в Санкт-Петербурге — 59% (см. табл. 4). Количество людей с полным высшим образованием на протестных акциях во всех трех городах значительно превышает статистически ожидаемый процент участников с высшим образованием, и, опять же, это близко к тому, что мы наблюдали в 2011 г. По данным опроса на митинге 24 декабря 2011 г., людей с высшим образованием там было 64%, а с неполным высшим — 17% [Соколова, Головина, Семирханова, 2012].

Таблица 4. **Уровень образования участников митингов**
(в % от количества опрошенных на каждом митинге)

Уровень образования	31.01. Москва	31.01. СПб	14.02. Казань	21.04. Москва	21.04. СПб
N респондентов	310	453	122	330	377
Среднее или ниже	7,8	9,3	10,7	11,7	7,5
Среднее специальное	8,4	10,4	8,2	7,3	8,5
Неполное высшее	12,3	21,2	25,4	17,2	26,6
Высшее	71,4	59,1	55,7	63,8	57,4

Кажется, что такой высокий уровень образования участников митингов напрямую должен провоцировать выводы, что на улицу выходит протестовать «средний» или «креативный» класс, однако мы должны быть крайне осторожны с этими ярлыками, активно использующимися журналистами с 2011 г. Образование в России плохо увязывается с доходом, и протестующие точно не ассоциируют себя с каким-то одним классом (см. подробнее об этом [Gabowitsch, 2017: 27—32]). Единственное, что мы можем здесь сказать с осторожностью: хотя поддержка А. Навального и недовольство внутренней политикой в России распространены в разных социальных группах, преимущественно люди с высшим образованием считают для себя возможным или оправданным выражать свое мнение по этому поводу через выход на улицу.

«Новички» выходят на улицу

На наших соцопросах мы регулярно спрашиваем протестующих, когда они впервые вышли на подобную акцию. Как правило, среди них оказывается много постоянных участников оппозиционных митингов, и только около 15% опрошенных приходят впервые. Самый высокий показатель этого рода был на московском митинге на пр. Сахарова 10 августа 2019 г. — тогда 17% вышли в первый раз ($N=408$).

Результаты опроса 23 января 2021 г. в Москве были весьма неожиданными. Из 370 опрошенных 156 респондентов, то есть 42 %, вышли на митинг впервые в этом году: они либо участвовали впервые в протестной акции 23 января, либо встречали Алексея Навального в аэропорту Внуково 17 января, либо выходили на пикеты после его задержания (см. табл. 5).

При этом доля тех, кто участвовал впервые в уличных протестах летом 2019 г. (дело Ивана Голунова, выборы в Мосгордуму), для Москвы крайне невелика — 7 %. Старых участников протестов (тех, кто выходил в 2012 г. и ранее) всего 24 %, половина из них — старше 55 лет (см. табл. 5—6).

Таблица 5. **Распределение ответов на вопрос «Когда Вы впервые приняли участие в акции протеста?» (в % от количества ответивших на митинге)**

Когда Вы впервые приняли участие в акции протеста?	23.01. Москва	31.01. Москва	31.01. СПб	14.02. Казань	21.04. Москва	21.04. СПб
N респондентов	370	310	453	122	330	377
Первый раз: сегодня	41,9	14,9	17,1	15,6	10,5	13,9
Первый раз: 2021	—	24,3	30,2	36,9	22,3	26,5
Первый раз: 2020	2,5	1,6	1,3	0,8	1,9	1,8
Первый раз: 2019	7,7	7,8	4,2	4,1	5,5	3,8
Первый раз: 2018—2013	22,2	22,0	28,6	42,6	25,9	22,7
Первый раз: 2012 или ранее	24,7	28,2	18,2	—	23,4	14,4
Затрудняюсь ответить	1,1	1,3	0,4	0,0	10,5	16,9

Такой результат характерен не только для Москвы. Большая доля «новичков» наблюдалась и на других митингах (см. табл. 5). Так, на акциях 31 января доля тех, что вышел впервые в 2021 г. (это сумма тех, кто вышел впервые на этот митинг, и тех, кто выходил на предыдущую акцию в 2021 г.), также оставалась очень высокой: 39 % в Москве, а в Санкт-Петербурге она достигла почти половины — 47 %. На согласованном митинге в Казани таких было 55 %. В апреле в обеих столицах это число по-прежнему оставалось очень высоким.

Прослеживается зависимость: чем больше молодых, тем больше «новичков» на митинге. Это верно для Москвы, Санкт-Петербурга и Казани. Так, в Москве 23 января в возрастной группе 18—24 года 60 % вышли впервые в 2021 г., а в группе несовершеннолетних (при всех оговорках, которые мы сделали выше) — 81 % (см. табл. 6).

До выхода на митинг «новые» участники протеста в большинстве своем не были совсем аполитичными людьми, многие из них интересовались политикой и смотрели расследования ФБК⁺⁺, просто не были готовы или не считали нужным участвовать в митингах. Так, один из протестующих, вышедший на улицу впер-

вые 23 января, а 31 января повторно, на уточняющий вопрос «А раньше почему не выходили, не интересовались политикой?» горячо возразил: «Нет! Я очень интересовался политикой, но просто все предыдущие протесты <...> они не вызывали такого общественного резонанса — условно там, какие-то там политические дела» (М., 24 года, Санкт-Петербург, 31.01.2021). Другой наш собеседник, вышедший впервые 21 апреля, сказал, что до этого хотел, но боялся выходить на улицу: «[А почему не выходили раньше? До этого Вас все устраивало?] Нет. Потому что наше чудное государство всячески терроризирует людей, запугивает касательно посещения митингов. Мол, будет вам плохо [То есть до этого Вы боялись?] Да. <...> [А когда Вы обратили внимание на Навального?] Услышал впервые о нем после фильма „Он вам не Димон“, а дальше просто смотрел информацию. И потом познакомился с людьми, и потом уже следил за его расследованиями» (М., 22 года, Санкт-Петербург, 21.04.2021)⁴⁹.

Таблица 6. **Распределение ответов на вопрос «Когда Вы впервые приняли участие в акции протеста?» (в % по возрастным группам)***

Возраст	В 2021 г.	В 2020 г.	В 2019 г.	В 2018—2013 гг.	В 2012 г. или ранее	Затрудняюсь ответить
Менее 18 лет	81,2	0	6,3	0	6,3	6,3
18—24 лет	60,4	3,3	9,9	25,3	0	1,1
25—39 лет	42,1	3,3	5,9	19,7	29	0
40—54 лет	26,1	1,4	7,3	27,5	37,7	0
55 и старше	6,7	0	10	26,7	53,3	3,3

* По результатам опроса участников акции 23 января 2021 г. в Москве.

Пополнение протеста «молодыми новичками» — это свидетельство того, что пассивное недовольство (внимание к антикоррупционным расследованиям, поддержка политических заключенных безвозмездными пожертвованиями («донациями») и т. д.) переросло в готовность к уличным протестам, причем среди групп, которые раньше не считали возможным участие в публичных акциях. Социологи Олег Журавлев и Илья Матвеев, рассматривая динамику политической поляризации в постсоветской России от 1990-х годов до митингов 2021 г., отмечают, что, хотя протесты против фальсификаций на выборах сыграли важную роль в политизации общества, но они коснулись не всех социальных групп, в то время как антикоррупционные расследования команды А. Навального значительно расши-

⁴⁹ Эту особенность «новичков» уличных протестов 2021 г. отмечали также исследователи группы «Лаборатория публичной социологии» (PS-Lab) на основе анализа корпуса интервью, собранных 21 апреля, см.: Журавлев О., Ерпылева С. Что нового в новых протестах? // OpenDemocracy. 2021. 25 мая. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/chto-novogo-v-novyh-protestah-erpyleva-zhuravlev/?fbclid=IwAR3lwTkKvpUlcCN7DLTAc9XC0dozdWdXBaRvUoIQZyEu72biNZqvQAb6EM4> (дата обращения: 22.10.2021).

рили протестную аудиторию и в социальном, и в географическом плане [Matveev, Zhuravlev, 2021].

Это приводит нас к следующему вопросу — всех ли протестующих можно назвать сторонниками Алексея Навального?

«Больше, чем про Навального»: мотивировки участия в уличном протесте

Выйти на митинг людей призывали «Фонд борьбы с коррупцией»⁴⁴ и Алексей Навальный. Однако не все протестующие были его безусловными сторонниками. Из числа опрошенных в Санкт-Петербурге 31 января только 22 % сказали, что они «полностью доверяют» Алексею Навальному. Подавляющее же большинство — 64,3 % — были более осторожны в оценках («скорее доверяют»), а 5,6 % сказали, что «не доверяют» или «скорее не доверяют» Алексею Навальному (см. табл. 7). При этом число безусловно доверяющих А. Навальному в Москве и Санкт-Петербурге отличается на 12 % — митингующие в северной столице гораздо более сдержанны в своих симпатиях (возможно, это связано с большей узнаваемостью Алексея Навального среди москвичей).

Таблица 7. *Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете Алексею Навальному?»* (% от общего количества опрошенных)*

Насколько Вы доверяете А. Навальному?	Москва	Санкт-Петербург
Н респондентов	310	453
Полностью доверяю	34,2	22,0
Скорее доверяю	55	64,3
Скорее не доверяю	1,6	4
Совершенно не доверяю	1	1,6
Затрудняюсь ответить	8,1	8,2

* По данным опроса на митингах 31 января 2021 г.

Многие митингующие называли главной мотивацией своего участия в протестах морально-этические причины, а не политические, особенно личное беспокойство о судьбе Алексея Навального: «В первую очередь [причина выхода] — арест Навального. Я пришла сюда бороться за его свободу, потому что я боюсь очень, что его все-таки там убьют» (Ж., 29 лет, Томск, 23.01.2021). Количество подобных ответов возросло 21 апреля, когда к А. Навальному не допускали врача: «Я выхожу за Алексея Навального, незаслуженно осужденного, которого пытались убить — за него, за себя и за страну, которую я люблю» (М., 22 года, Санкт-Петербург, 21.04.2021). Морально-этические мотивировки настолько ярко выражены, что часто они пересиливали политические предпочтения:

Я не являюсь сторонником Алексея Навального, но я являюсь сторонником правового государства. (М., 24 года, Санкт-Петербург, 31.01.2021)

Я не поддерживаю политическую повестку Навального, но это история больше, чем про Навального. В любом случае в отношении Навального было проведено очень много незаконных действий: отравить человека, посадить человека, его штаб арестовать — это незаконно. На месте Навального мог бы быть любой человек. (Ж., 21 год, Санкт-Петербург, 23.01.2021)

Несколько раз наши информанты говорили, что А. Навальный — это один из многих политических заключенных, и они выходят не только за него, но и за всех. Так, мужчина с плакатом «Свободу Алексею Навальному и всем политзаключенным» прокомментировал свое участие и свой плакат следующим образом: «Навальный, конечно, политзаключенный № 1, но кроме него есть еще много кого: дело „Сети“, Мифтахов — да, свежее, и много-много еще» (М., 40 лет, Санкт-Петербург, 23.01.2021), а другой опрошенный нами митингующий даже подчеркнул, что А. Навальный для него не на первом месте в повестке: «Сюда выхожу не столько за Навального, сколько именно против политзаключенных, чтобы такого не случилось, и в целом против нынешней власти» (М., 18 лет, Санкт-Петербург, 31.01.2021).

Были и те, кто делал акцент на личных, в том числе экономических причинах выхода на протест (хотя такие встречались реже):

Многие говорят, что это все делается исключительно в поддержку конкретно Алексея Навального. Я думаю, что многие люди выходят в поддержку конкретно себя, своих интересов каких-то. Я вот, например, в общем, случилась пандемия, и мне особенно, так сказать, «пригорело» от того, что происходит. Потому что я как индивидуальный предприниматель плачу налоги честно, и я думал, что, возможно, в этот раз наш президент нас всех поддержит... и прошла вот эта тонкая грань, когда ничего не произошло <...>. И я не понял: то есть мы сами по себе? Тогда зачем нам такая власть? (М., 33 года, Санкт-Петербург, 31.01.2021)

Нередко «молодые новички» приводили в качестве причин, побудивших их выйти на митинг, абстрактное желание достойной жизни и достойного будущего для себя и своей страны:

Важно [выйти на митинг], потому что считаю, что в России Путина у нас нет будущего, я бы хотел для себя, для своих друзей и близких иметь какое-то будущее, знать, что будет завтра <...>. У меня большие планы на жизнь. (М., 20 лет, Санкт-Петербург, 31.01.2021)

Ну, я пришла за свободу и будущее нашей страны, потому что я считаю, что любая власть должна сменяться, что она должна быть справедливой. (Ж., 17 лет, Москва, 23.01.2021)

Примерно такой же спектр причин был выявлен во время опроса на согласованном митинге в Казани 14 февраля. Там мы задавали открытый вопрос о причинах (можно было назвать несколько), побудивших людей участвовать в протестной

акции. Основная причина, почему люди вышли на митинг 14 февраля, — это «то, как к нам власти относятся»: отсутствие политических свобод, несменяемость власти, полицейский произвол, репрессии. Эти причины упомянули 86 % опрошенных. Это не удивительно, учитывая, что политзаключенные — одна из тем митинга. Экономические причины — невыплаты заработной платы, низкие пенсии, высокая цена жилищно-коммунальных услуг, понижающийся уровень жизни, в том числе в связи с пандемией — назвали 21 % опрошенных. Недовольство президентом выразили 13 %, столько же указали причиной прихода на митинг коррупцию. Алексея Навального упомянули в положительном ключе 8 % респондентов: «Мне нравится, что он делает» (М., 19 лет, Казань, 14.02.2021); «Я сначала Навального не поддерживала, но нельзя отравлять людей» (Ж., 27 лет, Казань, 14.02.2021). Много причин попало в класс «другое»: например, молодые люди говорили, что им категорически не нравится качество образования в Казани.

Заключение: что нового и старого в протестах 2021 г.?

Собранные и проанализированные нами данные (при всех ограничениях, связанных с условиями полевых исследований) показывают основные тренды в развитии протеста в России, а также сходство и различие московских и петербургских митингов 2021 г. с предыдущими.

Насколько мы можем судить, в протестах принимают участие в основном люди с полным или неполным высшим образованием. При этом за десять лет в возрастной структуре группы митингующих произошли небольшие изменения: молодых людей стало чуть больше, а люди старшего возраста почти перестали участвовать в оппозиционных акциях. А если сравнивать разные возрастные группы участников митингов 2021 г. между собой, то протест резко сдвинут в сторону представителей молодых возрастов. Однако характеристика митингов 2021 г. как «революции детей» или «бунта школоты» изрядно преувеличена.

Таким образом, «новизна» заключается не в социальной и возрастной структуре протеста, а в его *широте*. Протест заметно обновился по своему составу: для очень значительной доли митингующих это был первый опыт участия в публичных акциях, причем основная часть «новичков» — это молодые люди в возрасте до 25 лет. Недовольство коррупцией среди элит и нарастающим политическим насилием со стороны государства мобилизовало больше людей (причем в основном молодых людей) на уличные протесты, чем, например, требования «честных выборов» 2011—2012 гг., при этом многие протестующие не считают себя в первую очередь сторонниками лично Алексея Навального: его поддержка оказывается далеко не единственной причиной участия в оппозиционных акциях.

Из анализа текстов плакатов и интервью мы знаем, что главными мотивами выхода на улицу, прежде всего для «новичков», стало недовольство политической ситуацией в целом, социально-экономическим расслоением общества и политическими репрессиями. Распространенные на акциях (и вне их) новые знаки-индексы позволяют выражать недовольство двумя проблемами — *политическим насилием и коррупцией* — максимально кратким, ироничным и визуальным образом, ведущим к десакрализации власти.

Список литературы (References)

- Алексеевский М. Кто все эти люди (с плакатами)? // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 154—172. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/alekseevsky2.pdf> (дата обращения: 19.10.2021).
- Alekseevsky M. (2012) Who Are All Those People (the Ones with Placards)? *Antropologicheskij Forum*. No. 16. P. 154—172. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/alekseevsky2.pdf> (accessed: 19.10.2021).
- Архипова А. С., Белянин С., Кирзюк А. А., Козлова И. В., Радченко Д. А., Югай Е. Ф. Жизненный цикл мема в чайках, бакланах и утках // Искусство кино. 2018. № 1/2. С. 300—312.
- Arkhipova A., Belyanin S., Kirzyuk A., Kozlova A., Radchenko D., Ugay E. (2018) Meme Life Cycle in Seagulls, Cormorants and Ducks. *Iskusstvo Kino [Art of Cinema]*. No. 1/2. P. 300—312. (In Russ.)
- Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.
- Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavriloval M. V. (2018) «Rally Rebuild»: *Internet in Protest and Protest on the Internet. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.
- Архипова А., Захаров А., Козлова И., Гаврилова М. Демография протеста: состав и динамика участия // Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы — 2019. Выпуск 7 / под. ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия. 2019. С. 58—68.
- Arkhipova A., Zakharov A., Kozlova I., Gavriloval M. (2019) Demographics of Protest: Participants and Dynamics. In: *Counter Mobilization. Moscow Protests and Regional Elections*. Vol. 7. P. 58—68. Moscow: Liberal Mission.
- Архипова А., Захаров А., Козлова И. Протестная мобилизация 2021: кто вышел на митинги и почему // Год Навального. Политика протеста в России 2020—2021: стратегии, механизмы и последствия / под. ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021. Выпуск 14. С. 30—55. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/protestnaya-mobilizacziya-2021-kto-vyshel-na-mitingi-i-pochemu> (дата обращения: 19.10.2021).
- Arkhipova A., Zakharov A., Kozlova I. (2021) Protest Mobilization 2021: Who Went Out to the Rallies and Why. In: K. Rogov (ed.) *Year of Navalny. Protest Policy in Russia 2020—2021: Strategies, Mechanisms and Consequences*. Moscow: Liberal Mission. Vol. 14. P. 30—55. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/protestnaya-mobilizacziya-2021-kto-vyshel-na-mitingi-i-pochemu> (accessed: 19.10.2021) (In Russ.)
- Архипова А., Сомин А., Шевелева А. «Шершавым языком плаката»: оппозиционный дискурс на протестных акциях // «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России 2011—2012 годов / под ред. А. Архиповой. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014.

Arkhipova A., Somin A., Sheveleva A. (2014) “Reading the Rough Language of Posters”: Discourse of Russian Protest Rallies. In: A. Arkhipova (ed.) “We Are Not Dumb!”: *Anthropology of the Protest in Russia 2011—2012*. Tartu: Scholarly Publishing House ELM. (In Russ.)

Ахметова М. И бандерлоги пришли: высказывание В. В. Путина и «народный плакат» // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 193—207. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/akhmetova2.pdf> (дата обращения: 19.10.2021).

Akhmetova. M. (2012) And the Bandar-Log Have Come: Vladimir Putin’s Statement and the “Folk Placard”. *Antropologicheskij Forum*. No. 16. P. 193—207. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/akhmetova2.pdf> (accessed: 19.10.2021). (In Russ.)

Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83—109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109> (дата обращения: 19.10.2021).

Bessudnov A. R., Kurakin D. Yu., Malik V. M. (2017) How Did the Myth of Universal Higher Education Originate and What Does It Hide? *Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 83—109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109> (accessed: 19.10.2021). (In Russ.)

Городские движения России в 2009—2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Clement C. (ed.) (2013) *Urban Movements of Russia in 2009—2012: On the Path to the Political*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)

Громов Д. Массовые митинги в Москве глазами антропологов, фольклористов, социологов // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 106—107. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/mass_protests.pdf (дата обращения: 19.10.2021).

Gromov D. (2012) Mass Protests in Moscow Through the Eyes of Anthropologists, Folklorists and Sociologists. *Antropologicheskij Forum*. No. 16. P. 106—107. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/mass_protests.pdf (accessed: 19.10.2021). (In Russ.)

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.

Clement C., Miryasova O., Demidov A. (2010) *From Laymen to Activists. The Nascent Social Movements in Modern Russia*. Moscow: Tri Kvadrata. (In Russ.)

«Мы не немь!»: Антропология протеста в России 2011—2012 годов / под ред. А. Архиповой. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014.

Arkhipova A. (ed.) (2014) “We Are Not Dumb!”: *Anthropology of the Protest in Russia 2011—2012*. Tartu: Scholarly Publishing House ELM. (In Russ.)

Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011—2013 годов / под ред. С. В. Ерпылевой, А. В. Магуна. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Erpyleva S. V., Magun A. V. (eds.) (2014) *The Politics of the Apolitical: Civic Movements in Russia in 2011—2013*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)

Рогов К., Шукюров А. Протесты 2021 года и протестное десятилетие 2011—2021 гг. Динамика и оценки численности // Год Навального. Политика протеста в России 2020—2021: стратегии, механизмы и последствия / под. ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021. Выпуск 14. С. 55—68. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/protesty-2021-goda-i-protestnoe-desyatiletie-2011-2021-gg-dinamika-i-ocenki-chislennosti> (дата обращения: 19.10.2021).

Rogov K., Shukurov A. (2021) Protests of 2021 and the Protest Decade of 2011—2021. Dynamics and Estimates of the Size. In: K. Rogov (ed.) *Year of Navalny. Protest Policy in Russia 2020—2021: Strategies, Mechanisms and Consequences*. Moscow: Liberal mission. Vol. 14. P. 66—68. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/protesty-2021-goda-i-protestnoe-desyatiletie-2011-2021-gg-dinamika-i-ocenki-chislennosti> (accessed: 19.10.2021) (In Russ.)

Рогов К. Дело Навального. Предпосылки, стратегии и итоги противостояния // Год Навального. Политика протеста в России 2020—2021: стратегии, механизмы и последствия / под. ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021. Выпуск 14. С. 69—95. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/delo-navalnogo-predposylki-strategii-i-itogi-protivostoyaniya> (дата обращения: 20.10.2021).

Rogov K. (2021) The Navalny Case. Preconditions, Strategies and Results of the Confrontation. In: K. Rogov (ed.) *Year of Navalny. Protest Policy in Russia 2020—2021: Strategies, Mechanisms and Consequences*. Moscow: Liberal mission. Vol. 14. P. 69—95. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/delo-navalnogo-predposylki-strategii-i-itogi-protivostoyaniya> (accessed: 20.10.2021) (In Russ.)

Соколова А., Головина М., Семирханова Е. «Бандерлоги» на проспекте Сахарова: социологический портрет // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 127—134. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/sokolova_golovina_semirkhanova2.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

Sokolova A., Golovina M., Semirkhanova E. (2012) “Bandar-Logs” in Sakharov Prospect: A Sociological Portrait. *Antropologicheskij Forum*. No. 16. P. 127—134. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/sokolova_golovina_semirkhanova2.pdf (accessed: 20.10.2021). (In Russ.)

Титков А. Предисловие редактора-составителя. Политика, масса и священное (дюркгеймовские эффекты политизации) // Социология власти. 2013. № 4. С. 5—12.

Titkov A. (2013) Preface by the Editor-Compiler. Politics, Mass and the Sacred (Durkheim’s Effects of Politicization). *Sociology of Power*. No. 4. P. 5—12. (In Russ.)

Титков А. С. Белая лента 2011—2012 годов: политический символ в повседневном окружении // Городские тексты и практики / под ред. А. С. Титков, А. С. Архипова, Д. А. Радченко. М.: Дело, 2016. С. 69—84.

Titkov A. S. (2016) White Ribbon 2011—2012: Political Symbol in Everyday Environment. In: A. S. Titkov, A. S. Arkhipova, D. A. Radchenko (eds.) *Urban Texts and Practices*. Moscow: Delo. P. 69—84. (In Russ.)

Armstrong D., Reuter O. J., Robertson G. B. (2020) Getting the Opposition Together: Protest Coordination in Authoritarian Regimes. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 36. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2019.1665941>.

Branton R., Martinez-Ebers V., Carey Jr T. E., Matsubayashi T. (2015) Social Protest and Policy Attitudes: The Case of the 2006 Immigrant Rallies. *American Journal of Political Science*. Vol. 59. No. 2. P. 390—402. <https://doi.org/10.1111/ajps.12159>.

Choi-Fitzpatrick A., Juskauskas T., Sabur B. (2018) All the Protestors Fit to Count: Using Geospatial Affordances to Estimate Protest Event Size. *A Journal for and about Social Movements*. Vol. 10. No.1—2. P. 297—321.

Dahlum S., Knutsen C. H., Wig T. (2019) Who Revolts? Empirically Revisiting the Social Origins of Democracy. *The Journal of Politics*. Vol. 81. No. 4. P. 1494—1499. <https://doi.org/10.1086/704700>.

Dollbaum J. M. (2017) Curbing Protest through Elite Co-Optation? Regional Protest Mobilization by the Russian Systemic Opposition during the “For Fair Elections” Protests 2011—2012. *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 8. No. 2. P. 109—122. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.01.002>.

Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. (2020) Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia. *Econometrica*. Vol. 88. No. 4. P. 1479—1514. <https://doi.org/10.3982/ECTA14281>.

Fisher D. R., Andrews K. T., Caren N., Chenoweth E., Heaney M. T., Leung T., Pressman J. (2019) The Science of Contemporary Street Protest: New Efforts in the United States. *Science Advances*. Vol. 5. No. 10. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aaw5461>.

Gabowitsch M. (2017) *Protest in Putin's Russia*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press.

Granovetter M. (1978) Threshold Models of Collective Behavior. *American Journal of Sociology*. Vol. 83. No. 6. P. 1420—1443.

Lankina T. (2015) The Dynamics of Regional and National Contentious Politics in Russia Evidence from a New Dataset. *Problems of Post-Communism*. Vol. 62. No. 1. P. 26—44. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1002329>.

Lankina T., Skovoroda R. (2017) Regional Protest and Electoral Fraud: Evidence from Analysis of New Data on Russian Protest. *East European Politics*. Vol. 33. No. 2. P. 253—274, <https://doi.org/10.1080/21599165.2016.1261018>.

Lankina T., Voznaya A. (2015) New Data on Protest Trends in Russia's Regions. *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. No. 2. P. 327—342. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.1002696>.

Mazumder S. (2018) The Persistent Effect of US Civil Rights Protests on Political Attitudes. *American Journal of Political Science*. Vol. 62. No. 4. P. 922—935. <https://doi.org/10.1111/ajps.12384>.

McPhail C., McCarthy J. (2004) Who Counts and How: Estimating the Size of Protests. *Contexts*. Vol. 3. No. 3. P. 12—18. <https://doi.org/10.1525/CTX.2004.3.3.12>.

Matveev I., Zhuravlev O. (2021) Loft Offices and Factory Towns: Social Sources of Political Polarization in Russia. *Socialist Register*. Vol. 58. P. 221—240

Østbø J. (2017) Demonstrations against Demonstrations: The Dispiriting Emotions of the Kremlin's Social Media 'Mobilization'. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 3. P. 283—296. <https://doi.org/10.1080/14742837.2016.1266242>.

Rosenberg D. (2017) The “Colorless” Protests in Russia: Mixed Messages and an Uncertain Future. In: E. Arbatli, D. Rosenberg (eds.) *Non-Western Social Movements and Participatory Democracy*. Cham: Springer. P. 11—32.

Rosenfeld B. (2017) Reevaluating the Middle-Class Protest Paradigm: A Case-Control Study of Democratic Protest Coalitions in Russia. *American Political Science Review*. Vol. 111. No. 4. P. 637—652. <https://doi.org/10.1017/S000305541700034X>.

Semenov A., Lobanova O., Zavadskaya M. (2016) When Do Political Parties Join Protests? A Comparative Analysis of Party Involvement in “For Fair Elections” Movement. *East European Politics*. Vol. 32. No. 1. P. 81—104. <https://doi.org/10.1080/21599165.2015.1121870>.

Smyth R. (2021) Elections, Protest, and Authoritarian Regime Stability: Russia 2008—2020. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press.

Sobolev A., Chen M. K., Joo J., Steinert-Threlkeld Z. C. (2020) News and Geolocated Social Media Accurately Measure Protest Size Variation. *American Political Science Review*. Vol. 114. No. 4. P. 1343—1351. <https://doi.org/10.1017/S0003055420000295>.

Tertychnaya K. (2019) Protests and Voter Defections in Electoral Autocracies: Evidence from Russia. *Comparative Political Studies*. Vol. 53. No. 12. P. 1926—1956. <https://doi.org/10.1177/0010414019843556>.

Tertychnaya K., Lankina T. (2020) Electoral Protests and Political Attitudes under Electoral Authoritarianism. *Journal of Politics*. Vol. 82. No. 1. P. 285—299. <https://doi.org/10.1086/705815>. |

Walgrave S., Wouters R., Ketelaars, P. (2016) Response Problems in the Protest Survey Design: Evidence from Fifty-One Protest Events in Seven Countries. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 21. No. 1. P. 83—104. <https://doi.org/10.17813/1086/671X-21-1-83>.

Wouters R., Walgrave S. (2017) Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives. *American Sociological Review*. Vol. 82. No. 2. P. 361—383. <https://doi.org/10.1177/0003122417690325>.

Yip P. S., Watson R., Chan K. S., Lau E. H., Chen F., Xu Y., Xi L., Cheung D. Y., Ip B. Y., Liu D. (2010) Estimation of the Number of People in a Demonstration. *Australian & New Zealand Journal of Statistics*. Vol. 52. No.1. P. 17—26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-842X.2009.00562.x>.

Приложение 1. Распределение значений переменных (%)

Переменные	23.01. Москва	31.01. Москва	31.01. СПб	14.02. Казань	21.04. Москва	21.04. СПб
Всего опрошено (абс. числа)	467	356	505	150	364	446
Получено ответов (абс. числа)	370	310	453	122	330	377
Процент ответов	79,2	87,1	89,7	81,3	90,7	84,5
Мужчин	54,6	62,8	56,4	58,4	52,9	50,1
Женщин	45,4	37,2	43,6	41,6	47,1	49,9
Сильные высказывания: плакаты, артефакты и т.д.	3,4	1,1	5,3	22	1,1	2
<i>Возраст</i>						
менее 18 лет	4,3	1,6	1,8	5,7	3	1,1
18—24 лет	24,6	23,5	32,9	40,2	28,2	34,7
25—39 лет	43	47,7	47,7	31,1	44,5	42,7
40—54 лет	19,7	17,4	13,7	13,1	13,6	11,1
55 и старше	8,4	9,7	4	9,8	10,6	10,3
<i>Образование</i>						
Неполное среднее	—	2,3	1,1	4,1	1,5	1,6
Среднее	—	5,5	8,2	6,5	10,3	5,7
Среднее специальное	—	8,4	10,4	8,1	7,3	8,3
Незаконченное высшее	—	12,3	21,2	25,2	17,2	26
Высшее	—	69,9	56,6	53,7	62,5	53,8
Ученая степень	—	1,3	2,4	1,6	1,2	2,3
Затрудняюсь ответить	—	0,3	0	0,8	0	2,3
<i>Когда вы впервые приняли участие в акции протеста?</i>						
Сегодня (Москва 23.01: Сегодня или в этом году)	41,9	14,9	17,1	15,6	10,5	13,9
2021	—	24,3	30,2	36,9	22,3	26,5
2020	2,5	1,6	1,3	0,8	1,9	1,8
2019	7,7	7,8	4,2	4,1	5,5	3,8
2018—2013 (Казань: В 2018 г. или раньше)	22,2	22	28,6	42,6	25,9	22,7
2012 или ранее	24,7	28,2	18,2	—	23,4	14,4
Затрудняюсь ответить	1,1	1,3	0,4	0	10,5	16,9
<i>Насколько Вы доверяете Алексею Навальному?</i>						
Полностью доверяю	—	34,2	22	—	—	—
Скорее доверяю	—	55	64,3	—	—	—
Скорее не доверяю	—	1,6	4	—	—	—
Совершенно не доверяю	—	1	1,6	—	—	—
Затрудняюсь ответить	—	8,1	8,2	—	—	—

Приложение 2. Сравнение численности протестных акций 23 января и 21 апреля 2021 г. в Москве

Оценка численности несогласованных акций — нетривиальная задача, особенно если акция рассредоточена по разным локациям, а ее участники постоянно подвергались риску быть задержанными и избитыми⁵⁰. В результате риск столкнуться с насилием со стороны полиции был весьма высок, и часть протестующих использовала маскирующую стратегию — до тех пор, пока количество пришедших на конкретное место с протестными темами не становилось достаточным для того, чтобы чувствовать себя относительно безопасно (поскольку при большом скоплении народа риск задержания снижается). Неслучайно на наши вопросы в интервью во всех городах нам встретились ответы «я просто гуляю».

Например, люди, собравшиеся на Пушкинской площади в Москве 23 января, постепенно рассеялись по переулкам, а 31 января не удалось даже собраться в одном месте — центр Москвы был перекрыт полицией полностью, не работало метро, отдельные группы протестующих, которые смогли прорваться в центр, «гуляли» по разным улицам. 21 апреля в Москве значительных задержаний не было, но зато использовалась тактика временных перекрытий, из-за чего точки сбора митингующих оказались в нескольких местах: Пушкинская площадь, пространство вокруг Ленинской библиотеки, Тверская и Никольская улицы.

В Петербурге протест был гораздо более централизованным: протестующим удалось, несмотря на противодействие полиции, собраться в одном месте — 23 января на Сенатской площади, а 31 января — на Пионерской площади (у ТЮЗа) и оба раза пройти шествием. 23 января у протестующих в Санкт-Петербурге на какое-то время получилось даже занять Невский проспект. 31 января Невский проспект по распоряжению администрации перекрыли и жестко контролировали все выходящие на него улицы, поэтому шествие ходило кругами по Адмиралтейскому району от ТЮЗа до Исаакиевской площади. 21 апреля в Санкт-Петербурге большая группа протестующих собралась в Александровском саду, но шествие, двинувшееся оттуда, скоро из-за жестких задержаний начало рассеиваться.

Именно поэтому оценки количества митингующих очень сильно различаются. Например, численность акции 23 января в Москве (наиболее крупной из прошедших в ней в этом году) оценивалась как в 20 тыс., так и в 40 тыс. участников⁵¹. Видимо, реальное число митинговавших находится где-то в этом диапазоне. Мы

⁵⁰ Оценка численности протестных акций — сложная задача в большой степени из-за субъективности оценок, сделанных «на глаз» (см., например, [McPhail, McCarthy, 2004]). Различные методы подсчета участников, используемые в современной практике — такие как анализ социальных медиа (см. [Sobolev et al., 2020]), использование беспилотников (см. [Choi-Fitzpatrick, Juskauskas, Sabur, 2018]) или включенных в акцию наблюдателей (см. [Yip et al., 2010]), — к сожалению, не были применимы в нашем случае. Насколько нам известно, описанная в этой работе методология используется впервые в мировой практике.

⁵¹ По оценке Дмитрия Нестерова, координатора движения «Белый счетчик», пиковое число участников составило 15 тыс. человек в три часа дня; всего участников было около 20 тыс., см.: На акцию в Москве собрались больше 20 тыс. человек. Это рекорд для несогласованных митингов с 2013 года // Meduza. 2021. 23 января. URL: <https://meduza.io/news/2021/01/23/belyi-schetchnik-na-aktsiyu-v-moskve-sobralis-bolshe-20-tysyach-chelovek-eto-rekord-dlya-nesoglasovannyh-mitingov-s-2013-goda> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента). В то же время агентство Reuters приводит цифру в 40 тыс. участников, см.: Reuters: на акцию в поддержку Навального в Москве вышло 40 тысяч человек // Meduza. 2021. 23 января. URL: <https://meduza.io/news/2021/01/23/reuters-na-aktsiyu-v-podderzhku-navalnogo-v-moskve-vyshli-40-tysyach-chelovek> (дата обращения: 22.10.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

не беремся говорить о численности акций вообще, но можем сравнить их между собой.

Не оценивая масштабы акции 21 апреля, мы можем утверждать, что в Москве количество вышедших 23 января (первая акция) и 21 апреля (последняя акция) было примерно одинаковым. Этот вывод следует из двух вещей. Во-первых, мы использовали данные опроса в Facebook⁵², где задавались вопросы как про участие в акции 23 января, так и про участие в акции 21 апреля в Москве. Из 99 опрошенных 40 человек приняли участие в обеих акциях и 23 человека были 23 января, но не 21 апреля. То есть примерно две трети участников митинга 23 января также посетили протестную акцию 21 апреля. Во-вторых, на митинге 21 апреля в Москве мы задавали следующий вопрос: «Принимали ли Вы участие в протестных акциях в январе-феврале 2021 г.?» Среди опрошенных нами 70,6% ответили положительно, то есть подавляющее большинство участников апрельской акции выходили на улицы либо 23 января, либо 31 января, либо 14 февраля, либо сказали, что их первый опыт был в 2021 г. Так что процент выбывших приблизительно компенсировался новыми участниками. Таким образом, по нашим расчетам, соотношение числа участников 23 января и 21 апреля в Москве с вероятностью 95% составляет от 0,79 до 1,2 (разброс столь велик из-за малого числа опрошенных).

Мы понимаем, что выборка опроса в Facebook не была репрезентативной — опрос могли пройти только люди, подписанные на страницы, где он был размещен. Более того, в этой выборке некоторые социально-демографические группы могли быть представлены в большей степени, чем на январских и апрельской акциях. Поэтому полученные здесь оценки следует принимать с важной оговоркой — что приведенные выше проценты для тех, кто имел возможность пройти опрос, были такими же, как и для всех остальных участников акций. С этой и рядом других оговорок⁵³ наши выводы позволяют утверждать, что число пришедших на акции 21 апреля и 23 января не могло сильно различаться.

⁵² Опрос был проведен блогером и дата-аналитиком Борисом Овчинниковым и размещен на его странице: URL: www.facebook.com/boris.ovchinnikov (дата обращения: 22.10.2021) с аудиторией около 6 тыс. человек, а также на нескольких других страницах.

⁵³ Смотрите Приложение 1 и Приложение 2, где подробно описано, как была получена эта оценка.